

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Крылов В.Г., Куражов А.В., Радченко В.С.,
Романов А.К.**

**Деликтные обязательства в английском, немецком
и французском праве**

Москва 2016

Аннотация. В основе работы лежит идея рассмотрения комплекса научно-теоретических проблем, связанных с деликтными обязательствами и деликтной ответственностью, через призму компаративистики. Проведен анализ системы деликтных обязательств и общих концепций института деликта в английском, немецком и французском праве.

Вместе с тем работа имеет и практический характер: в ней рассматриваются правовые проблемы деликтной ответственности за определенные виды правонарушений и способы деликтно-правовой защиты конкретных правоотношений в соответствии с нормами английского, немецкого, а также французского права.

Романов А.К., зав. кафедрой основ правоохранительной деятельности Юридический факультет им. М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Крылов В.Г., доцент Юридического факультета им. М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Куражов А.В., преподаватель Юридического факультета им. М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Радченко В.С., аспирант Юридического факультета им. М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2015 год.

О г л а в л е н и е

Предисловие	4
1. Деликтные обязательства в английском праве	6
1.1 Понятие деликтных обязательств в английском праве	6
1.2 Концепция сингулярного деликта	10
1.3 Деликтная и договорная ответственность	11
1.4 Формы деликтной ответственности в английском праве	12
1.6 Деликтная ответственность вред, причиненный другим	20
1.7 Деликтная ответственность за вмешательство в профессиональную или коммерческую деятельность	22
1.8 Деликтная ответственность за побуждение к неисполнению договора	30
2. Деликтные обязательства в немецком праве	41
2.1 Понятие деликтных обязательств в немецком праве	41
2.2 Концепция генерального деликта в немецком праве	44
2.3 Формы деликтной ответственности в немецком праве	56
2.4 Деликтно-правовая защита семейных отношений	58
2.5 Деликтно-правовая защита права на учреждение и управление бизнесом ..	59
2.6 Возмещение вреда, причиненного недостатками товаров, по немецкому праву	61
2.7 Деликтно-правовая защита права на имя и неприкосновенность частной жизни.	67
2.8 Распространение сведений, ставящих под угрозу кредитоспособность	69
2.9 Деликтная ответственность за вред, причиненный дефектами товара	71
2.10 Деликтная ответственность за вред, причиненный недостатками товара ..	75
2.11 Деликтная ответственность за вред, причиненный из-за недостатков инструкций и руководства по использованию товара	75
3. Деликтные обязательства во французском праве	76
3.1 Понятие деликтных обязательств во французском праве	76
3.2 Концепция генерального деликта	80
3.3 Деликтная ответственность за вред, причиненный недостатками товара	83
3.4 Деликтная ответственность за вред, причиненный противоправными действиями	84
4. Заключение	86
Библиография	88

Предисловие

В российском гражданском праве обязательства из причинения вреда (деликтные обязательства) признаются «внедоговорными охранительными обязательствами, обеспечивающими защиту прав и интересов граждан, юридических лиц, публично-правовых образований, и направлены на восстановление имущественного положения потерпевших в то состояние, в котором оно находилось до правонарушения»¹.

Во многом схожую природу деликтные обязательства обнаруживают и в ряде зарубежных юрисдикций, в которых деликтная ответственность, а также ее нормативно-правовая регламентация, характеризуется значительными особенностями и отличиями. Такое положение открывает возможности для проведения комплексного сравнительно-правового исследования возмещения вреда, причиняемого вне договорных отношений, в английском, немецком и французском праве. Данные правовые системы представляют своего рода противоположные полюса правовой регламентации рассматриваемых вопросов. Поэтому обращение к ним, на наш взгляд, обеспечивает возможность продуктивных выводов в плане поиска перспективных направлений дальнейшего совершенствования норм российского законодательства и судебной практики по аналогичным проблемным ситуациям.

Деление обязательств на договорные (*ex contractu*) и внедоговорные (*ex delicta*) в цивилистике признается классическим со времен Римского права. Так, крупнейший римский юрист Гай (II в. н.э.), ссылаясь на бинарную классификацию обязательств, определял ее как исходное начало гражданского права (*summa division*). С тех пор в гражданско-правовой теории закрепилось подразделение обязательств на договорные и внедоговорные. Деликтные обязательства относятся к разряду внедоговорных (внеконтрактных).

В отечественной юридической теории обязательства также принято подразделять на две группы: договорные и внедоговорные, или деликтные². Такая классификация обязательств определяется с учетом основания их возникновения. У договорных и внедоговорных обязательств основания возникновения различаются.

¹ Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: Учебное пособие [Текст] / А.С. Шевченко, Г.Н. Шевченко. - М.: Статут, 2013. С. 3.

² Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. Теория и практика [Текст] / А.М. Белякова - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 17.

Договорные обязательства возникают преимущественно из договора (сделок), т.е. по соглашению сторон³. Внедоговорные обязательства возникают из оснований, предусмотренных законом (в английском праве признается, что они возникают из права и не обязательно из закона). У договорных и внедоговорных обязательств есть общие черты. В гражданском праве это позволяет их объединить в рамках особого института - обязательств.

Вместе с тем внедоговорные (деликтные) обязательства обладают значительными особенностями. В этой связи в литературе отмечается, что «в отличие от договорных обязательств, регулирующих отношения участников гражданского оборота и их нормальном, ненарушенном состоянии, деликтные обязательства возникают уже после правонарушения и направлены на устранение последствий такого правонарушения, восстановление имущественной сферы потерпевшего за счет правонарушителя»⁴.

Между договорными и внедоговорными обязательствами есть существенные отличия. Они определяют особое место, которое внедоговорные (деликтные) обязательства занимают в системе обязательственного права. Внедоговорные обязательства отличаются от договорных по характеру имущественных отношений, лежащих в их основе. Если договорные обязательства оформляют нормальный имущественный оборот, т.е. отношения, основанные на соглашении участников этого оборота, на их свободном волеизъявлении, влекущем возникновение соответствующих прав и обязанностей, то внедоговорные обязательства опосредуют иные отношения. Они не характерны для нормального течения жизни и порождаются аномальными имущественными отношениями. Одним из примеров внедоговорных (деликтных) обязательств могут служить отношения, возникающие в связи с повреждением или уничтожением чужого имущества лицом, с которым собственник по поводу этого имущества не состоит в договорных отношениях.

Не менее важно отметить, что особенностью внедоговорных обязательств, отличающей их от договорных, служит комплекс оснований их возникновения. Если договорные обязательства возникают исключительно по воле их участников, то внедоговорные (деликтные) обязательства возникают не по воле, а большей частью вопреки воле их участников. Такие обязательства возникают в силу юридических фактов. Чаще всего основание для возникновения внедоговорных обязательств составляют неправомерные действия.

³ Иоффе О.С. Обязательственное право [Текст] / О.С. Иоффе. - М.: Юрид. лит., 1975. С. 20.

⁴ Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве. С. 3.

Так, в ГК РФ (п. 1 ст. 1064) устанавливается, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Кроме того, законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда.

Аналогичные требования предусматриваются нормами английского, немецкого и французского деликтного права. Однако они предусматривают более широкие основания возмещения вреда, причиненного вне договорных обязательств. В частности, возмещение вреда может иметь место и в силу ошибочного совершения правомерных действий. Внедоговорные обязательства могут возникать и при намеренном совершении правомерных, но вредоносных действий. Например, такое положение имеет место, если причинитель вреда действует в состоянии крайней необходимости. Более того, по нормам российского гражданского права лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. При этом законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда. Вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом.

Во всех указанных выше случаях причинитель вреда в юридическом смысле становятся обязанным лицом (должником). Такие лица становятся должниками не по собственной воле, что характерно для договорных отношений, но в силу требований права (закона). Во многом аналогичные решения содержатся в нормах английского, немецкого и французского права. Все это свидетельствует о наличии фундаментальных предпосылок для проведения сравнительно-правового исследования с использованием методов современной юридической компаративистики при обращении к изучению норм английского, немецкого и французского права по вопросам механизма деликтной ответственности в современных условиях.

1. Деликтные обязательства в английском праве

1.1 Понятие деликтных обязательств в английском праве

На формирование деликтной ответственности в английском праве сказался тот исторический факт, что его нормы не претерпели обновления на базе Римского права, что характерно для правовых систем романо-германской принадлежности.

В английском праве деликтная ответственность оказала огромное влияние на формирование судебных форм договорной ответственности. Договорная ответственность в

английском праве выделяется из внедоговорной ответственности, т.е. из ответственности деликтной. Как таковая, договорная ответственность в английском праве появляется в результате стремления юристов, представлявших интересы истцов и ответчиков, обеспечить более широкий охват средствами судебной защиты их договорных прав и обязанностей. Сделать это было нелегко. Как это отметил еще английский юрист Ранульф Глэнвилл (1112 - 1190), изначально соглашения частных лиц государственными судами не охранялись ⁵.

Чтобы выйти из этого положения, в этих целях поначалу пользовались теми возможностями, которые предоставлял институт собственности. В частности, принималась юридическая фикция, согласно которой считалось, что наниматель, займополучатель, хранитель, перевозчик отвечают перед судом не в силу взятых ими на себя обязательств, а так как они без достаточных на то оснований удерживают у себя чужое имущество. Для таких ситуаций в английском праве предусматривались свои отдельные исковые формы – writ of detinue (иск из удержания чужого имущества), writ of debt (иски о возврате долга при наличии долговой расписки). Эти иски, однако, не охватывали всей сферы договорной ответственности. Поэтому в целях судебной ответственности стали прибегать к исковым формам, которые, с точки зрения английского права, имеют «другую отраслевую принадлежность», а именно, к искам, разработанным на случай нарушения личных прав и интересов граждан (trespass). Такие иски носили внедоговорной, или деликтный, характер. Судами они принимались в тех случаях, когда речь шла о посягательствах не на собственность, а на личность и ее права, гарантированные государством (монархом), в частности, право на личную неприкосновенность, право на неприкосновенность земельных владений и прочего имущества. К договорной ответственности такие иски не имели никакого отношения. Однако истцы, как отмечает Р. Давид, старались убедить суд, что при неисполнении ответчиком взятого на себя обязательства, имеет место деликт, и королевские (государственные) суды постепенно восприняли этот подход ⁶.

Владение в рамках английского права, конечно, трактуется как фактическое состояние связанности лица с вещью, однако для защиты владения используются не владельческие иски, а иски из причинения вреда (trespass, nuisance).

Поначалу деликтные иски допускались лишь при условии, что ответчик при исполнении договора совершил действия, которыми истцу был причинен физический (личный) или материальный (имущественный) вред. Такие действия определялись

⁵ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности [Текст] Р. Давид, К. Жоффре-Спинози / пер. с фр. В.А. Туманова. - М.: Междунар. отношения, 2003. С. 215.

⁶ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. С. 216.

термином *misfeasance*. Впоследствии суды их стали принимать и в тех случаях, когда ответчик просто не исполнял взятых на себя по договору обязательств, т.е. при бездействии, обозначавшемся термином *non-feasance*. На основании деликтных исков, таким образом, обеспечивалась договорная, по сути, ответственность была распространена на особые соглашения об исполнении обязательств. Постепенно она выделяется из деликтных исков и обретает форму иска «о принятии на себя» (*assumpsit*) и освобождается от тех правил и требований, которые были разработаны судами при рассмотрении исков из деликтной ответственности.

Есть и еще один нюанс, на который, на наш взгляд, также следует обратить внимание, когда мы рассматриваем понятие деликтной ответственности в английском праве. Дело в том, что в рамках деликтной ответственности общее право не знало других санкций, кроме возмещения ущерба (*damages*). Вследствие этого судебная договорная ответственность посредством исков по форме «о принятии на себя», развившаяся из деликтной ответственности, также могла выражаться лишь в возмещении вреда (ущерба).

Третьей особенностью внедоговорной (деликтной) ответственности является то, что ей чужд общий принцип, который бы связывал ее с виной причинителя вреда. Для деликтной ответственности в английском праве характерен деликтный сепаратизм. Нормы деликтного права различаются в зависимости от вида деликта. Все деликты имеют разное происхождение. Наиболее древними из них оказываются нарушение прав личности (*trespass*) и беспокойство (*nuisance*). Общий принцип (понятие генерального деликта) в английском праве с трудом пробивает себе дорогу в рамках такого деликта, как неосторожность (*negligence*).

Деликтные обязательства - это обязательства, объединенные их общей социально-экономической и правовой сущностью. Такие обязательства базируются на органически связанных и взаимодействующих друг с другом правовых нормах. Они объединены общими функциями охраны абсолютных имущественных и личных неимущественных отношений, компенсационно-восстановительной, превентивно-воспитательной и организационно-стимулирующей функций.

Особенностью деликтной ответственности как физических, так и юридических лиц в английском праве является то, что на них не распространяются единые юридические конструкции и общие правовые принципы. Юридическая концепция генерального деликта, свойственная континентальным правовым системам, остается чуждой юридическим началам английского деликтного права. Здесь господствует доктрина *поименованных* и *безымянных* деликтов.

Для понимания особенностей правового положения юридических лиц в сфере деликтной ответственности по нормам английского права необходимо принимать во внимание неизвестное континентальному, в том числе российскому гражданскому праву подразделение деликтных обязательств в зависимости от источника их возникновения.

Деликтные обязательства, которые своим источником имеют формы, выделенные посредством приемов активной казуистики. Они подразделяются на поименованные (*nominate torts*) и безымянные, или непоименованные, (*innominate torts*) деликты.

В частности, к разряду поименованных деликтов в английском праве относятся обязательства, которые возникают вследствие признания судами исков из деликтов, которые исторически обособились и получили свое собственное название - вред, причиненный психическим насилием (*assault*), вред, причиненный физическим насилием (*battery*), вред, причиненный созданием неудобств (*nuisance*), вред, причиненный из-за небрежности (*negligence*), вред, причиненный клеветой (*libel, slander*) и др.

Следует отметить, что только поименованными деликтами внедоговорные обязательства в английском праве не ограничиваются. Существуют и другие. Важное значение имеют и те деликты, которые предусматриваются нормами об обязательствах, возникающих из деликтов, которые в традиции английского права определяются как безымянные (*innominate*).

К разряду безымянных (непоименованных) в английском праве относятся те деликтные обязательства, которые хотя и обособились вследствие судебных исков, рассмотренных и признанных судами, но не получившие своего собственного определения - имени. Так, примером безымянного деликта могут служить те внедоговорные обязательства, которые возникают из деликта, признанного совершенным в таких делах, как *Риландз против Флетчера* (*Rylands v Fletcher, 1866*)⁷, *Уилкинсон против Даунтона* (*Wilkinson v Downton, 1897 г.*)⁸ и др.

К третьей группе источников деликтных обязательств в английском праве следует отнести деликты, санкционированные не исками, а законодательством. Это так называемые *законодательные деликты* (*statutory torts*). Среди них, например, можно указать законодательство об ответственности жильцов за вред, причиняемый собственнику жилья (*Occupiers' Liability Acts*)⁹.

⁷ *Rylands v Fletcher* [1866] L.R. 1 Ex. 265.

⁸ *Wilkinson v Downton* [1897] 2 QB 57, 66 LJQB 493.

⁹ *Occupiers' Liability Act (1957)* // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1965/57/section/26> (дата обращения: 14.06.2015).

1.2 Концепция сингулярного деликта

Сингулярная традиция деликтной ответственности в английском праве проявляется в том, что понятие деликта здесь формируется в рамках так называемого «метода перечня»¹⁰. Этот метод, однако, не применяется при определении нарушений договорных обязательств.

Как уже было отмечено выше, в отличие от договорной ответственности, которая исходит из правовой доктрины договора, деликтная ответственность не знает общего понятия деликта («генеральный деликт»). В этом нет ничего удивительного.

В странах романо-германского права исторической рецепции подверглась понятийная конструкция генерального деликта¹¹.

В странах общего (английского) права (Великобритания, США, Австралия и др.) преобладающей является концепция сингулярного деликта. Понятие генерального деликта не находит ни нормативного, ни правоприменительного признания.

По определению А.В. Ларионовой, принцип сингулярного деликта «заключается в отсутствии общего понятия противоправного действия. Судебной практикой выработаны отдельные» виды правонарушений: нарушение владения, зловредность, клевета и т.п.»¹². Вследствие преобладания доктрины сингулярного деликта английское деликтное право и судебная практика в целом исходит из сложившегося комплекса поименованных и безымянных деликтов. Причем судебная власть до сих пор не склонна к добавлениям в этот исторически сложившийся круг источников деликтных обязательств.

Внедоговорные обязательства из причинения вреда относятся к гражданско-правовым обязательствам, где потерпевший (кредитор) обладает правом требовать от должника (причинитель вреда) полного возмещения или компенсации.

Основанием возникновения деликтных обязательств служит правонарушение (деликт), в силу которого такие обязательства определяются как деликтные. Содержание деликтного обязательства складывается из обязанности делинквента возместить причиненный

¹⁰ Дженкс Э. Английское право. Источники права. Судоустройство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право [Текст] / Э Дженкс / предисл.: М.М. Исаев / пер. с англ. Л.А. Лунц. - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. С. 349.

¹¹ Отраднава О.А. Генеральный деликт в гражданском праве // Наследие юридической науки и современность: Материалы заседаний V Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26-28 мая 2010 г.). М.: Юриспруденция, 2011. С. 425-432; Ахмадова М.А., Пухарт А.А., Серышева М.Ю. Генеральный деликт в гражданском праве // Вопросы современного права: материалы международной заочной научно-практической конференции (5 марта 2012 г.). Новосибирск: Изд. Сибир. ассоц. консультантов, 2012. С. 31-34; Богданов Д.Е. Принцип генерального деликта // Актуальные проблемы частноправового регулирования: материалы Всероссийского IX научного форума (г. Самара, 27-28 мая 2011 г.). Самара, 2011. С. 318-320.

¹² Ларионова А.В. Понятие обязательства из деликтов: от древнеримского к современному российскому и англо-американскому / Юридические записки студенческого научного общества. Вып. 3. Сборник статей. Ярославль, 2003. С. 33 - 34.

имущественный ущерб, с одной стороны, и права потерпевшего на возмещение такого вреда, - с другой. Обязательства из внедоговорного причинения вреда, как и право требовать возмещения вреда могут возникать не только у граждан, но и у юридических лиц.

1.3 Деликтная и договорная ответственность

Имея общую основу и основываясь на обязательствах, деликтная и договорная ответственность в английском праве имеет ряд особенностей, которыми они отличаются друг от друга.

Так, иски из нарушения деликтных обязательств в некотором смысле оказываются более предпочтительными для истцов в сравнении с исками из нарушения договорных обязательств. В частности, деликтные иски обеспечивают более льготные условия получения возмещения в тех случаях, когда вред, причиненный ответчиком, выражается в смерти потерпевшего. Ведь в рамках договорной ответственности добиться такого результата часто бывает весьма проблематично. Договор не может противоречить праву, а следовательно, предусматривать возможность причинения смерти человеку. Кроме того, возмещение вреда, причиненного вне договорных отношений, не связано с наличием договора. Вследствие этого истцу по делам из нарушения деликтных обязательств, помимо причиненного вреда, не требуется доказывать еще и наличие договорной связи с ответчиком. В этом смысле истцы по делам о возмещении вреда, причиненного вне договорных обязательств, находятся в более выгодном положении в сравнении с истцами по делам о возмещении вреда, причиненного нарушением договорных обязательств.

Кроме того, немаловажно отметить, что возмещение, вытекающее из нарушения договора, ограничивается той выгодой, которую предполагал извлечь истец, заключая договор. Деликтные же иски таких ограничений не знают. Они предоставляют защиту до естественных (natural) пределов тех последствий, которые будут причинены действиями или бездействием ответчика.

В английском праве возможна конкуренция исков из нарушения деликтных (внедоговорных) и договорных обязательств. Избрав деликтную форму защиты своих прав, интересов и свобод, истец вследствие этого может получить возмещение за ущерб, причиненный недееспособным лицом, например несовершеннолетним. Такой обход норм гражданского права о невозможности предъявления исковых претензий в рамках договорной ответственности к несовершеннолетнему в связи с невыполнением или ненадлежащим выполнением взятых им на себя договорных обязательств допускается в тех случаях, когда вред несовершеннолетним был причинен в процессе выполнения им

договорных обязательств. В этом случае деликтная ответственность возможна. Как отмечается в этой связи в литературе, «если несовершеннолетний, который приобрел товар в рассрочку, неправомерно передает его третьему лицу, он будет признан ответственным перед действительным собственником за совершение такого деликта, как *detinue* (распоряжение чужой вещью в отсутствие права на это). Напротив, возмещение «неликвидных убытков» при банкротстве допускается как в английском, так и в американском праве лишь при иске, основывающемся на договоре, а не на деликте»¹³.

Существенные различия между деликтной и договорной ответственностью обнаруживаются также и по положениям о сроках исковой давности. Так, согласно английскому законодательству (ныне действует Закон об исковой давности 1980 г.¹⁴) по договорам в письменной форме (*contract under seal*) установлена 12-летняя исковая давность, а общий срок исковой давности – 6 лет. Максимальный общий срок исковой давности в сфере деликтной ответственности составляет 6 лет, а по искам из причинения вреда жизни и здоровью – 3 года.

Следует также отметить, что в значительной мере различаются санкции (*remedy*), которые предоставляются истцу нормами деликтной и договорной ответственности¹⁵.

1.4 Формы деликтной ответственности в английском праве

Деликтная ответственность – *tortious liability* - один из традиционных институтов общего (прецедентного) права. Определение «деликтная» применительно к ответственности в английском праве означает ее внедоговорную природу.

В теории деликтные обязательства составляют юридическую основу внедоговорной гражданско-правовой ответственности, но они объединяются в рамках учения Римского права об обязательствах и вследствие этого не рассматриваются в качестве разновидности обязательств как таковых. В этом, в частности, проявляется отсутствие рецепции Римского права в истории английского общего права.

Так, У. Бернам отмечает, что «в англо-американской традиции деликтное право отличается от договорного права; последнее обеспечивает исполнение обязательств, основанных на заключенных соглашениях. Такое разделение отличает общее право от европейского континентального права, которое рассматривает как договорные, так и внедоговорные нарушения в рамках обязательственного права. Деликт возникает вне договорных отношений и без договора; деликтное право базируется на правиле, согласно

¹³ Матвеев Ю.Г. Англо-американское деликтное право [Текст] / Ю.Г. Матвеев. - М.: Юрид. лит., 1973. С. 31.

¹⁴ The Limitation Act [1980] // URL: <http://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 14.06.2015).

¹⁵ Burrows A.S. Remedies for Torts and Breach of Contract. 3rd ed. Oxford University Press. 2004.

которому все члены общества имеет общую обязанность воздерживаться от действий, которые могут повлечь причинение вреда другим людям»¹⁶.

В истории общества возмещение вреда в рамках деликтной ответственности приходит на смену обычаю мести. Мечь – это реакция на причиненный вред. Практика отмщения представляет собой доправовой вид социальной ответственности. Мечь состоит в ответной реакции на вред. В отличие от мести деликтная ответственность – это не разрушительная, стихийная сила и реакция на вред, а созидательная стратегия социального поведения в связи и по поводу вреда. Иными словами, это – акция, всегда акт, предполагающий определенную культуру. Мечь разрушает, а не укрепляет социальные отношения в обществе, тогда как ответственность на началах права их восстанавливает и укрепляет.

Деликтные правоотношения составляют основу гражданско-правовой внедоговорной ответственности. Подобно тому, как у магнита два полюса, у деликтоного правоотношения две стороны – управомоченная и обязанная. Деликтное обязательство, поэтому, есть не что иное, как форма, которую принимают правовые отношения между причинителем вреда, или делинквентом, и потерпевшим. Само же деликтное правоотношение представляет собой юридическую связь между управомоченной и должной сторонами в деликтном обязательстве. В отсутствие деликтоного обязательства говорить о деликтной ответственности нет оснований.

В истории человечества древнейшей формой деликтной ответственности был принцип талиона – «око за око, зуб за зуб». Этот принцип был наиболее характерен для переходной эпохи, когда ответственность на началах мести постепенно уступает ответственности на началах права. По мере укрепления роли государства в жизни общества, усложнения и развития хозяйственно-экономических и социальных связей между людьми талион уступает место возмещению убытков в форме композиции и штрафа. Постепенно в сфере ответственности именно эта форма начинает играть ведущую роль. Впоследствии единственно возможными формами деликтной ответственности становятся штрафные санкции и денежное возмещение потерпевшему не просто в связи с причинением вреда, а в связи с совершением правонарушения. Ответственность проявляет все большую связь не просто с причинением вреда, ущербом, но с более широким ее контекстом – условиями, при которых общество ее дозволяет. Постепенно вред и правонарушение перестают отождествляться. Так, римский юрист Ульпиан к правонарушениям, охватываемых

¹⁶ Бернам У. Правовая система США. - 3 изд. [Текст] / У. Бернам. - М.: «Новая юстиция», 2006. С. 691.

понятием «обида» (*injuria*), относил не только причинение смерти и увечье, но также умаление чести, достоинства или репутации.

В Римском праве установлен исчерпывающий перечень условий, наличие которых признавалось необходимым и достаточным для ответственности из причинения вреда. Одного вреда уже было недостаточно.

Согласно римскому юристу Юлию Павлу (II - III в.н.э.), сущность обязательства состоит не в том, чтобы сделать нашей какую-нибудь вещь или какой-нибудь сервитут, но чтобы связать перед нами другого в том отношении, чтобы «чтобы он нам что-нибудь дал, сделал или предоставил»¹⁷. Как видим, Павел исходит из того, что обязательства представляют собой юридические отношения, которые возникают между людьми при определенных обстоятельствах. В самом же обязательстве он усматривает две стороны – управомоченную и обязанную. Интересы этих сторон, хотя и противоположны, но взаимосвязаны. По раздельности они не существуют.

По сути, любые обязательства - деликтные обязательства тут не исключение – это суть тех правоотношений, которые соединяют две противостоящие друг другу стороны – управомоченную и должную. Появление управомоченной и должной сторон, таким образом, возможно лишь при условии, что существования правовых отношений. Между этими сторонами иных правоотношений не существует. Стороны в обязательстве могут представлять разные лица. Виды обязательств, таким образом, образуются, благодаря их тематической определенности. В том случае, если на управомоченной стороне находится кредитор, а на должной стороне – должник, речь идет о договорном обязательстве. Если же управомоченную сторону представляет потерпевший, а должную – делинквент, то речь идет о деликтном обязательстве.

Юридическая суть обязательств, как договорных, так и внедоговорных, состоит в том, что лица, представляющие управомоченную сторону (кредитор, потерпевший), вправе требовать от лиц, представляющих должную сторону (должник, делинквент) совершения определенных действий. В то же время лица, представляющие должную сторону, имеют обязанность выполнить предъявляемые к ним управомоченной стороной требования. В частности, такие лица должны что-либо дать (*dare*), сделать (*facere*) или обеспечить, гарантировать, принять на себя ответственность (*praestare*). Причем, это следует не из того, что было сделано или, наоборот, не сделано, а из сути обязательства как юридической связи между указанными лицами. Кем из людей окажется лицо в обязательстве – это зависит от

¹⁷ Цит. по: Халабуденко О.А. Имущественные права. Книга 1. Вещное право [Текст] / О.А. Халабуденко: Междунар. Независимый ун-т Молдовы. К.: Независимый ун-т Молдовы. 2011. С. 17.

случая и жизненных обстоятельств. Однако какие лица могут оказаться на каждой из сторон в обязательстве – это предопределено и всегда неизменно.

В литературе справедливо отмечается, что современное понятие обязательств совпадает с их трактовкой в Римском праве¹⁸. Согласно общепринятым в странах романо-германского права взглядам, деликтные обязательства (обязательства из причинения вреда) представляют собой разновидность гражданско-правовых обязательств. Эта концепция, как уже было отмечено выше, остается чуждой англо-американской цивилистике и праву. В рамках деликтного обязательства одна сторона (причинитель вреда, делинквент) обязана возместить причиненный ею другой стороне (потерпевшему) имущественный вред (в натуре или путем возмещения убытков), компенсировать неимущественный (моральный) вред, выполнить иные действия, а потерпевший вправе требовать от причинителя вреда исполнения указанной обязанности.

В юридической теории деликтные обязательства определяются как обязательства, возникающие из причинения вреда. «Обязательством вследствие причинения вреда, - отмечает в этой связи И.Н. Поляков, - называется такое гражданско-правовое отношение, по которому потерпевший (кредитор) вправе требовать от причинителя вреда (должника) полного возмещения вреда, причиненного действиями (бездействием) причинителя вреда, а должник обязан возместить вред в полном объеме»¹⁹.

Отличие деликтных обязательств от договорных состоит в том, что они предполагают участие разных лиц. Так, договорные обязательства возникают между кредитором и должником, тогда как деликтные обязательства возникают между потерпевшим и делинквентом. По этой причине трудно согласиться с тем, что в деликтном обязательстве «потерпевший выступает в качестве кредитора, а причинитель вреда (делинквент) – в качестве должника»²⁰.

В рамках договорного обязательства кредитор и должник состоят между собой в договорных гражданско-правовых отношениях. В то же время, согласно доктрине деликтных обязательств в английском праве, потерпевший и делинквент состоят не в договорных, а в особых деликтных гражданско-правовых отношениях. Отсутствие договора отличает деликтные обязательства от договорных. У них разная природа. Поэтому

¹⁸ Яковлев В.Н. Конституционные основания концепции совершенствования гражданского и иных отраслей законодательств современной России // Новая правовая мысль. - 2010. - № 1 (38). С. 16.

¹⁹ Поляков И.Н. Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда [Текст] / И.Н. Поляков. – М.: Городец, 1998. С. 10.

²⁰ Кузнецова Л.В. Спорные вопросы деликтной ответственности [Текст] / Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: Сборник статей. - М.: Статут, 2010. С. 336.

деликтная ответственность не может исходить из тех же принципов, что и ответственность договорная.

Таким образом, деликтные обязательства в английском праве рассматриваются как особая правовая связь, возникающая между потерпевшим и делинквентом, тогда как договорные обязательства – как правовая связь между кредитором и должником. Основания их возникновения не тождественны. В свою очередь, это приводит к другим отличиям.

Так, юридические порядки в рамках романо-германской правовой семьи (немецкое и французское право) не исключают того, что деликтная ответственность может возникать и при наличии договорных обязательств. В гражданском праве Российской Федерации признается, что в трудовых взаимоотношениях такая связь возникает между работодателем и работником в случае возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина при исполнении договорных либо иных обязательств (ст. 1084 ГК РФ), при возмещении вреда вследствие недостатков товаров, работ и услуг (ст. 1095 ГК РФ). В условиях английской правовой системы это исключается.

В юридической литературе вопрос о месте деликтных обязательств в системе английского права относится к разряду дискуссионных. В целом место деликтных обязательств в английском праве определяется классификацией обязательств. По мнению многих ученых, разнообразие обязательственных правоотношений не позволяет расположить их в одном классификационном ряду²¹.

Юридические обязательства в правовой науке допускается классифицировать, исходя из разноплановых критериев. Наиболее употребительным критерием является основание возникновения обязательства. Исходя из допустимого критерия, выделяют типы, группы, виды и подгруппы, а также подвиды и формы обязательств.

Все обязательства в английском праве подразделяются на два типа – договорные и внедоговорные. Договорные обязательства возникают на основе договора, а внедоговорные – посредством иных юридических фактов. Так, основой возникновения части внедоговорных обязательств служит причинение вреда деликтом. Особенностью английского права служит отсутствие юридической общности внедоговорных обязательств. Поэтому выделить группу норм, которые бы в равной мере были применимы ко всем внедоговорным обязательствам, невозможно.

²¹ Гражданское право: В 3-х томах. Т. I. Учебник [Текст] / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2005. С. 421.

Внедоговорные обязательства, в свою очередь, также подразделяются на две группы: односторонние сделки и охранительные обязательства. Деликтные обязательства относятся к охранительным.

В группу охранительных обязательств, наряду с деликтными обязательствами, входят также обязательства, возникающие на основе неосновательного обогащения.

Отдельные виды обязательств могут подразделяться на подвиды и выступать в разных формах. Формы обязательств определяются специфическими особенностями обязательств, которые относятся к одному и тому же виду.

Конкретный вид обязательств, в свою очередь, может быть представлен подвидами. Так, внутри такого вида деликтных обязательств, как злобредность (*nuisance*), выделяют ее публичную и частную формы. В рамках клеветы – ее письменную (*libel*) и устную формы (*slander*).

Деликтные обязательства в английском праве связаны с совершением неправомерных действий в сфере экономического оборота, препятствующего его нормальному функционированию. В силу этого вред, причиненный личности или юридическим лицам, подлежит возмещению лицом, его причинившим в полном объеме. В качестве основания возникновения деликтных обязательств выступают неправомерные действия, или деликты. Возникающие на основе деликтных проявлений обязательства в английском праве определяются как деликтные обязательства, или *torts*. Сами деликтные обязательства направлены на восстановление условий нарушенного имущественного положения участников экономического оборота.

Обязательства возникают на основе юридических фактов. Их принято определять как основания ответственности. Самыми распространенными юридическими фактами являются договор и деликт.

Как уже было показано выше, в любом обязательстве всегда две стороны – управомоченная и обязанная. В деликтном обязательстве они также присутствуют. Управомоченную сторону представляет потерпевший (истец), а обязанную – делинквент (ответчик). Право требования потерпевшего и долг делинквента составляют юридическое содержание любых деликтных обязательств.

Управомоченной стороне в деликтном обязательстве принадлежит право требования, а обязанной стороне – обязанность его исполнить. Исходя из природы деликтных обязательств, одна сторона (делинквент) обязана совершить в пользу другой (потерпевший) определенные действия (например, возместить вред, выплатить компенсацию, передать имущество, совершить иные действия) либо воздержаться от

совершения определенных действий. Управомоченная сторона (потерпевший) имеет право требовать от делинквента исполнения его обязанности по представлению ему определенных материальных благ.

Содержанием деликтного обязательства выступают правоотношения его сторон. Содержанием любых правоотношений, как известно, являются субъективные права и обязанности сторон²². На этом основании содержание деликтных обязательств можно определить как субъективные права и обязанности потерпевшего и делинквента.

Содержание деликтных обязательств характеризуется субъективным правом потерпевшего требовать возмещения вреда от его причинителя, а также предупреждать и пресекать возможность причинения такого вреда или его возрастание в будущем и обязанность причинителя вреда предоставить возмещение или подвергнуться мерам по предупреждению или пресечению вреда, предпринятым потерпевшим в оперативном порядке.

Право требования потерпевшего (кредитора) и долг делинквента (должника) составляют юридическое содержание деликтных правоотношений. Деликтные правоотношения являются относительными, поскольку в их рамках одно лицо (делинквент) по требованию другого лица (потерпевшего) обязано передать имущество, уплатить деньги или выполнить иные действия или воздержаться от их совершения, а потерпевший имеет право требовать от делинквента исполнения его обязанности.

Деликтные обязательства возникают при возникновении юридического факта. Самым распространенным юридическим фактом, который приводит к возникновению деликтного обязательства является деликт. К другим юридическим фактам возникновения деликтных обязательств можно отнести квази-деликты.

Деликтное обязательство возникает в результате нарушения абсолютных прав кредитора (права собственности, права на неприкосновенность жизни, здоровья, чести, достоинства, деловой репутации и т.д.), но само нарушение деликтного обязательства носит относительный характер. Так, если какое-либо лицо нарушит имущественное или личное неимущественное право потерпевшего, то у последнего возникает право требовать от должника возмещения причиненного вреда²³.

В период действия деликтных обязательств могут возникнуть такие юридические факты, которые, не прекращая обязательства, могут его изменять дополнять в одном или

²² Теория государства и права: Курс лекций [Текст] / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 2001. С. 490; Общая теория права и государства: Учебник [Текст] / под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1996. С. 158.

²³ Завидов Б.Д. Возмещение вреда. Общие и частные положения в гражданском и уголовном праве [Текст] / Б.Д. Завидов. – М.: Экзамен, 2001. С. 17.

нескольких элементах и даже прекращать частично или полностью. Такие юридические факты называются правоизменяющими. В жизни правоизменяющими фактами оказываются самые различные обстоятельства, в том числе как зависящие, так и не зависящие от воли участников деликтных обязательств. Правоизменяющие обстоятельства, не зависящие от воли участников деликтного обязательства, называются *юридическими событиями*, зависящие от воли участников - *юридическими действиями*.

При прекращении деликтного обязательства прекращается юридическая связь между его участниками. Тем самым, когда говорят о прекращении деликтного обязательства, имеют в виду юридическую связь между участниками в нем. Участники в деликтном обязательстве (истец и ответчик) утрачивают юридическую связь, которая выражается в их субъективных правах и обязанностях. Последние составляют содержание деликтного правоотношения.

Абсолютная деликтная ответственность (absolute liability) в английском праве представляет собой ответственность на началах объективного вменения при отсутствии у ответчика возможности сослаться в свою защиту на извиняющие обстоятельства. Абсолютная ответственность отличается от строгой ответственности не ее объективностью, а тем, что она исключает возможность ответчику прибегать к защите извиняющих обстоятельств (defences).

На сегодня в английском праве возможность абсолютной ответственности предусматривается положениями лишь одного законодательного акта – Законом «Об атомных станциях» 1965 г.²⁴.

Существование абсолютной ответственности в английской праве многими английскими правоведами ставится под сомнение. Так, в классическом учебнике деликтного права Уинфилда и Яловица отмечается, что в английском праве употребление данного термина нежелательно, поскольку его употребление создает иллюзию существования возможности ответственности на началах объективного вменения²⁵. Что касается ответственности на основании Закона «Об атомных станциях и других хранилищах ядерных материалов» 1965 г., то она, по их мнению, также не является абсолютной, поскольку, случись что, суд вряд ли примет в качестве извиняющих ответчика ссылки даже на непреодолимую силу (an act of God), однако освобождение от такой ответственности возможно, если ядерный объект пострадал от вражеских действий при

²⁴ The Nuclear Installations Act 1965 // URL: http://www.vertic.org/media/National%20Legislation/United_Kingdom/GB_Nuclear_Installations_Act_1965.pdf (дата обращения: 14.06.2015).

²⁵ Winfield and Jolowicz on Tort by W.V.H. Rogers. 20th ed. London: Sweet & Maxwell. 2010. P. 25.

вооруженном конфликте»²⁶. Абсолютная ответственность в английском праве означает, что истец освобождается от обязанности доказывать причинно-следственную связь между действиями/бездействием ответчика и наступившими последствиями (вредом).

Строгой ответственностью (Strict liability) в английском праве признается ответственность, которая наступает не только в отсутствие вины ответчика, но и при причинении вреда третьими лицами. При строгой ответственности ответчику разрешается ссылаться на извиняющие его обстоятельства. Учитывая эти признаки, к деликтам строгой ответственности относятся: вред, причиняемый нарушением неприкосновенности личности (trespass), клевету (defamation), присвоение чужого имущества (conversion), неисполнение обязанности, возложенной законом (breach of statutory duty), а также деликты, образуемые вредом, причиненным другим (vicarious liability) и вред, причиненный недостатками товаров (product liability).

Применительно к сфере деликтной ответственности данная доктрина строгой ответственности находит довольно ограниченное применение. Наиболее популярным примером строгой ответственности в английском общем праве служит ответственность по искам из деликта, получившего название *Райлэндз против Флетчера* (1869)²⁷.

1.6 Деликтная ответственность вред, причиненный другим

Ответственность за вред, причиненный другим (Vicarious liability), в английском праве также возможна, как других правовых системах. Эта ответственность обнаруживает ноксальную природу²⁸. Ноксальная природа исков из внедоговорного вреда, причиненного другими, находит историческое объяснение и восходит к Римскому праву.

В Римском праве все деликтные иски допускали так называемую *ноксальную ответственность*. В современном английском праве ноксальная природа также допускается для всех исков.

В Римском праве ноксальная ответственность позволяла обращаться с исками к главе семейства при совершении деликтов подвластными главе семейства лицами²⁹. С учетом этого применительно к английскому праву можно говорить о ноксальной природе гражданской ответственности за деликт, совершенный подконтрольными ответчику лицами.

²⁶ Winfield and Jolowicz on Tort by W.V.H. Rogers. P. 52.

²⁷ Rylands v Fletcher (1868) LR 3 HL 330.

²⁸ Atiyah P. S. Vicarious Liability in the Law of Torts. London: Butterworths. 1967.

²⁹ Дождев Д.В. Римское частное право. 3е изд. [Текст] / Д.В. Дождев. - М.: Инфра-М, Норма, 2011. С. 266; Рассолов М.М., Горбунов М.А. Римское право: учебник. [Текст] / М.М. Рассолов, М.А. Горбунов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С 425.

Одной из характерных особенностей современного английского является наличие в нем повышенной ответственности за действия, совершаемые третьими лицами, в том случае, если они подконтрольны ответчику. Это так называемая ответственность одного лица за вред, причиненный другим (*vicarious liability*).

В юридической литературе и учебниках такую ответственность нередко определяют как строгую (безвиновную). Однако, как отмечает Ю.Г. Матвеев, с которым нет оснований не согласиться, для этого вряд ли есть достаточные основания. В качестве ответственного лица в таких случаях чаще всего выступает хозяин (работодатель). Обычно он отвечает либо при ненадлежащем контроле своего работника, либо при неосмотрительном выборе работника. Ответственность за деликты, совершаемые третьими лицами можно рассматривать в качестве «юридико-технического способа» возложения ответственности на действительно ответственное лицо³⁰.

Работника можно определить как лицо, нанятое для выполнения определенных работ на условиях, что он будет подвергаться контролю и наставлениям работодателя (т. е. лица, нанимающего кого-либо для выполнения работ) в отношении способа выполнения работ, которые указываются работодателем. Обычно взаимоотношения между работодателем и работником носят длительный и возмездный характер. Однако не исключено, что работник нанимается для единовременного оказания услуг, а иногда безвозмездно.

Важнейшим условием ответственности хозяина является нанесение вреда слугой «в процессе службы». Если слуга вышел за рамки своей службы и совершил действия в свою пользу, не связанные с делами хозяина, последний не должен отвечать за причиненный при таких обстоятельствах вред. Практика выработала два основных правила, согласно которым ответственность хозяина наступает, если: 1) противоправное действие было разрешено хозяином; 2) вред причинен противоправным способом выполнения задания, данного хозяином.

Многие судебные решения обращают внимание на то, что хозяин признается ответственным за деликты, совершенные его работником, лишь в том случае, если вред причинен в процессе исполнения работником его обязанностей, либо за умышленные действия, совершенные в процессе работы на благо работодателя без превышения обязанностей, возложенных на работника. Таким образом, работодатель (хозяин) отвечает

³⁰ Матвеев Ю.Г. Англо-американское деликтное право [Текст] / Ю.Г. Матвеев. - М.: Юрид. лит., 1973. С. 112.

не просто за то, что разрешил работнику (служащему) делать, но также и за тот способ, которым работник выполняет порученное.

В английском праве наиболее характерным примером ответственности за вред, причиненный третьими лицами, служит ответственность по искам к хозяину за вред, причиненный действиями его работника в процессе исполнения возложенных на него обязанностей (vicarious liability)³¹. Это ответственность на своих собственных основаниях. Такая ответственность является строгой ответственностью.

1.7 Деликтная ответственность за вмешательство в профессиональную или коммерческую деятельность

На протяжении нескольких веков английское право предоставляло возможность предъявлять иск против ответчика за преднамеренное причинение экономических потерь для истца, в ситуациях, когда ответчик не находился в договорных или иных правоотношениях с истцом. Речь идет о «намеренных» или «экономических» деликтах. Случаи установления ответственности за данное правонарушение постепенно эволюционировали, а степень и объем такой ответственности являлись постоянными предметами дебатов.

По нормам раннего общего (прецедентного) права наниматель, который из-за насилия по отношению к его работникам лишился их услуг, имел право на иск против злоумышленника и возмещение вреда³². Статуты «О работниках» 1349³³ и 1350³⁴ годов предоставляли нанимателю право на иск о возмещении убытков, даже в тех случаях, когда насилие в отношении работника отсутствовало.

На наш взгляд, современный институт экономических деликтов берет свое начало здесь. Какими бы ни были современные следствия из рассматриваемых исков, первоначально они предусматривали внедоговорную ответственность за вмешательство в договорные отношения, просто такие иски первоначально ограничивались лишь сферой вмешательства в договоры оказания услуг и найма работника.

Затем последовало известное дело *Ламли против Гэя* (*Lumley v Gye*) [1853]. Руководствуясь сложившейся к тому времени судебной практикой по делам, в которых речь шла о наемных работниках, а истцами выступали наниматели, Суд королевской скамьи в 1853 году в деле пришел к выводу о существовании нового основания для

³¹ Atiyah P. S. Vicarious Liability in the Law of Torts. London: Butterworths. 1967.

³² Sayre, Inducing Breach of Contract, 1923 // 36 Harv L. Rev p. 663.

³³ The Statute of Labourers of 1349 // URL: <http://www.legislation.gov.uk/> (дата обращения: 14.06.2015).

³⁴ The Statute of Labourers of 1350 // URL: <http://www.legislation.gov.uk/> (дата обращения: 14.06.2015).

исков³⁵. Выводы из решения по делу *Lumley v Gye* обосновали норму, согласно которой кем бы ни был ответчик, склонение его работника к нарушению договора с ним служит убедительным основанием для иска в суде из нарушения внедоговорных обязательств, возникающих у других лиц.

Деликтная (внедоговорная) ответственность за склонение к нарушению договора лиц, выступающих его сторонами, подверглась значительной детализации в XX веке.

Лорд Девлин в решении по делу *Rookes v Barnard* (1964)³⁶ определил те требования, соблюдение которых необходимо для иска о склонении к нарушению договора: «Должно быть, кроме действия склонения, знание ответчиком рассматриваемого контракта и факта, что данные действия приведут к его нарушению; также должно быть преступное намерение в юридическом смысле, то есть, намерение вызвать нарушение и этим причинить истцу вред, и отсутствие обстоятельств, юридически оправдывающее совершение деяния; должны быть фактические убытки, то есть больше, чем номинальное возмещение, причитающееся истцу. Эти элементы или реквизиты являются основаниями иска о склонении к нарушению договора».

С тех пор прошло чуть более века, и неудивительно, что подход к решению данного вопроса изменился.

2 мая 2007 года Судебный комитет Палаты лордов британского парламента вынес знаменательное решение по трем различным, но связанным делам по экономическим деликтам³⁷. В этом едином всестороннем постановлении Палата лордов воспользовались возможностью пересмотреть прецедентное право в отношении экономических деликтов, а также применимые к ним принципы и, в частности, ясно объяснила различие между деликтами, требующими использования незаконных средств и деликтами, где такие незаконные средства не требуются.

В соответствии с английским правом "экономические" или "намеренные" деликты в общем можно разделить на четыре вида, хотя между ними зачастую наблюдается параллелизм:

1) обеспечение или склонение к нарушению договора между истцом и третьим лицом;

³⁵ *Lumley v Gye* [1853] [EWHC QB J73](#) // URL: <http://swarb.co.uk/> (дата обращения: 14.06.2015).

³⁶ Цит. по: Christie, In. *Inducing Breach of Contract in Trade Disputes: Development of the Law in England and Canada* // *McGill Law Journal*, 2008, V13. P. 114.

³⁷ *OBG Limited and others (Appellants) v Allan and others (Respondents)*; *Douglas and another and others (Appellants) v Hello! Limited and others (Respondents)*; *Mainstream Properties Limited (Appellants) v Young and others and another (Respondents)* [2007] UKHL 21.

- 2) незаконное вмешательство в профессиональную или коммерческую деятельность;
- 3) запугивание третьего лица, порождающее потери для истца;
- 4) преступный сговор.

В отличие от права США (и некоторых других стран) в английском праве для установления ответственности за любой из деликтов недостаточно преступного намерения или умысла нанести вред истцу (хотя некоторая форма умысла является необходимым реквизитом деликта). Это объясняет, почему зачастую такие требования терпят неудачу: если ответчик формально действовал в пределах своих законных прав, контракт не был нарушен, и не было преступного сговора, то требование не будет удовлетворено, хотя в основе действий ответчика и лежали вредоносное поведение и отвратительные намерения³⁸.

Вынося решение, Палата лордов любезно разъяснила необходимые элементы первых двух видов деликтов: склонения к нарушению договора и незаконного вмешательства в профессиональную или коммерческую деятельность.

Для наступления ответственности за склонение к нарушению договора между истцом и третьим лицом в составе деликта необходим целый ряд дополнительных оснований. К ним, в частности, относятся следующие.

Первое. Третье лицо должно нарушить договор, заключенный с истцом. Любые более ранние предположения о том, что достаточно того, что ответчик только препятствовал третьему лицу исполнить договор, следует считать неверными (например, если форс-мажор или оговорка об исключении исключают нарушение).

Второе. Ответчик должен склонить, заставить или побудить третье лицо нарушить договор с истцом. В конце XIX века лорд Эшер при разрешении дела *Temperton v Russell*³⁹ не стал проводить различий между склонением лица к нарушению уже существовавшего договора и принуждением не вступать в договоры, заявив, что в обоих случаях элементом деликта является одно и то же противоправное намерение. Однако в следующем аналогичном деле *Allen v Flood* Палата лордов признала шаг лорда Эшера далеким от очевидности⁴⁰. Таким образом, право на иск за склонение к нарушению договора,

³⁸ UK House of Lords Confirms the Limitations of the Economic Torts of Intentionally Causing Economic Loss, 2007 // URL: <http://www.gibsondunn.com/> (дата обращения: 14.06.2015).

³⁹ R. Brown, The *Temperton v Russell* Case, 1893: The beginning of the legal offensive against the unions [Bulletin of economic research](#) // Wiley-Blackwell, Vol. 23.1971, 1, p. 54-56.

⁴⁰ Christie, In. Inducing Breach of Contract in Trade Disputes: Development of the Law in England and Canada // McGill Law Journal, 2008, V13. P. 105 - 106.

основанное в Англии на рубеже веков, ясно требует «вмешательства в действующие контракты».

Дело *Allen v Flood* заложило требование юридической действительности договора, и оно осталось обязательным элементом обоснования ответственности, что не касается, однако, составов запугивания третьего лица и преступного сговора. Склонение к нарушению договора может включать любой вид влияния, убеждения или давления. Оно может содержать как положительные стимулы, так и угрозы, может быть прямым или косвенным⁴¹.

Исторически первым делом, в котором суд признал существование в английском праве норм об ответственности за вред, причиненный косвенным склонением к неисполнению договора, а следовательно, установил основание для удовлетворения иска о возмещении вреда, причиненного вне договорных отношений участникам договорных отношений, было дело *Thompson v Deakin*⁴², рассмотренное судом в 1952 году. В этом деле склонением к неисполнению договора было признано введение ответчиком непреодолимого эмбарго.

Третье. Требуется, чтобы ответчик не только предполагал, но и знал, что своими действиями он вызывает нарушение договора истца. При этом простой осведомленности или уверенности ответчика о том, что третье лицо будет действовать определенным способом, что приведет к неисполнению договорных обязательств, недостаточно. Такие иски требуют доказательства того, что ответчик обоснованно знает и своими действиями определяет, что контракт будет нарушен вследствие его действий. Нарушение контрактных обязательств другими лицами есть не что иное, как цель действия ответчика в таких случаях. Заблуждение или простое предположение ответчика относительно того, что такое нарушение последует не обязательно, исключает его внедоговорную ответственность.

Решение по делу *Mainstream Properties Ltd. v Young*⁴³ имеет особый интерес, поскольку Палата лордов в нем поддержала решение Апелляционного суда, установившее, что элементами доказывания деликта склонения к нарушению договора являются фактическое знание и намерение вмешаться. В указанном деле два сотрудника холдинговой компании *Mainstream* нарушили свои договорные и фидуциарные обязанности перед работодателем, отклонив деловое предложение о приобретении совместного предприятия. Ответчиком в этом деле выступал некто Де Венте, который облегчил приобретение,

⁴¹ Smith, H. Tort of inducement to breach of contract requires actual knowledge and an intention to interfere, 2007 // URL: <http://www.lexology.com/library/> (дата обращения: 14.06.2015).

⁴² Carpenter, C. E. Interference with Contract Relations // Harvard Law Review. 1928. 41(6), 728–768. // URL: <http://doi.org/10.2307/1329820> (дата обращения: 14.06.2015).

⁴³ Ibbetson, D. A Historical Introduction to the Law of Obligations. Oxford, 2001.

частично финансировав его, но не понес ответственности за склонение к нарушению договорных обязательств сотрудниками фирмы с третьими лицами. Ответчику было известно о договорных обязательствах двух старших сотрудников фирмы, но он был убежден, что создание предприятия не приведет к конфликту фидуциарных обязанностей, с одной стороны, и их договорных обязательств, - с другой. Хотя ответчик ошибался, поскольку указанные лица все-таки под его воздействием нарушили свои договорные обязательства, иск к нему не был удовлетворен, и он не понес ответственности за склонение к нарушению договорных обязательств, поскольку не было доказано, что он знал о существовании контракта, а намерения склонить к неисполнению договорных обязательств тех лиц, с которыми он имел дело, у него не было.

С точки зрения необходимого знания, требуемого для возложения ответственности, знания существования одного только контракта недостаточно. Чтобы возложить ответственность, лицо должно обладать знанием условий договора или должны существовать доказательства сознательного решения лица не расследовать существование факта (лицо не может избежать ответственности, сознательно игнорируя проблему).

Во-первых, ответчик должен намереваться заставить или убедить третье лицо нарушить договор с истцом (хотя такое намерение не должно быть единственным, или даже преобладающим). Не достаточно того, что нарушение является предвидимым последствием намерений ответчика. Как определил лорд Хоффман, со стороны ответчика нарушение условий договора должно быть или самоцелью или средством достижения цели. Отсутствие такого намерения исключает внедоговорную ответственность по нормам английского права.

Таким образом, деликт принуждения (склонения) к неисполнению договорных обязательств требует намеренных действий ответчика. Лицо, не осознавая или ненамеренно склоняя другое лицо к нарушению его договорных обязательств, в английском праве не несет ответственности за вред, им причиненный в таких случаях. В указанном выше деле *Mainstream Properties Ltd v Young*⁴⁴ ответчик Де Венте, хотя предварительно и навел справки, но в результате пришел к ошибочному заключению, что его действия не приведут к неисполнению договорных обязательств со стороны двух старших сотрудников истца и не вызовут обязательно нарушение имеющегося контракта. Вследствие этого в иске к ответчику из вреда, причиненного вследствие склонения к неисполнению договорных обязательств было отказано.

⁴⁴ Ibbetson, D. A Historical Introduction to the Law of Obligations. Oxford, 2001.

Таким образом, честное, хотя и ошибочное, убеждение ответчика, что его действия не повлекут нарушения договора, обеспечивает ему достаточную защиту. Лорд Николс Беркенхед так высказался по данному вопросу: «Не имеет значения, что его убеждение ошибочно с правовой точки зрения. Не имеет значения и то, что его вера бестолкова и нелогична. Если нет намерения вмешаться в договорные отношения, то нет и ответственности за склонение к нарушению договора»⁴⁵.

Согласно разъяснениям, данным Палатой Лордов, основаниями ответственности при незаконном вмешательстве в профессиональную или коммерческую деятельность могут служить следующие обстоятельства.

Во-первых, ответчик должен использовать незаконные средства против третьего лица; Следует отметить, что Палата лордов не пришла к единодушному мнению относительно того, что считать «незаконными средствами». Большинство решило, чтобы квалифицировать средства как незаконные, действия ответчика должны оспариваться в порядке гражданского судопроизводства третьим лицом (исключение – если третье лицо не понесло потери). Данное мнение является признанной позицией суда, а следовательно, рассматривается в качестве нормы права.

Вместе с тем, как полагает лорд Николс Беркенхед, применение незаконных средств склонения выходит за пределы гражданско-правовой ответственности и относится к нарушениям договорных отношений преступным путем. Аналогом этому решению в законодательстве Российской Федерации служит ст. 179 УК РФ (Принуждение к совершению сделки или к отказу от совершения сделки), хотя данная аналогия, конечно, является относительной.

Лорд Николс Беркенхед пришел к выводу, что деликт склонения к невыполнению договора не вписывается в рамки договора, а следовательно, ответственность в таких случаях имеет не договорную, а внедоговорную природу. Поэтому она регулируется нормами о нарушении обязанностей, установленных статутным правом (Statute law) или нормами права справедливости (Equity law) и должна рассматриваться в рамках фидуциарных обязательств⁴⁶.

Во-вторых, применение незаконных средств в целях склонения участников договорных обязательств к их неисполнению выходят за рамки контрактного права.

В-третьих, по делу должно быть доказано, что ответчик имел намерение своими действиями причинить вред истцу. В то же время такое намерение не обязательно должно

⁴⁵ Ibbetson, D. A Historical Introduction to the Law of Obligations. Oxford, 2001.

⁴⁶ Ibbetson, D. A Historical Introduction to the Law of Obligations. Oxford, 2001.

быть единственным или преобладающим. Например, ответственность наступает даже в том случае, если основная цель ответчика состоит в том, чтобы защитить или продвинуть свои собственные экономические интересы.

Аналогичным образом высказался и лорд Сэлбор еще 1881 в деле *Bowen v Hall*: «Если склонение использовано в косвенных целях причинить истцу вред или получить преимущество ответчику за счет расходов истца, - это намеренное действие ... и ... обоснованный иск, если в результате причинен вред»⁴⁷.

Наконец, дела подобного рода требуют доказательств того, что истец понес реальные убытки.

Впоследствии Палата лордов не раз воспользовалась возможностью, чтобы подчеркнуть различие между склонением к нарушению договора и незаконным вмешательством в профессиональную или коммерческую деятельность.

Интересен тот факт, что еще в 1964 году судебная практика придерживалась совершенно противоположной позиции. Так, лорд Донован в духе решения, поддержанного большинством судей в решении по делу *Стэнфорд против Линдли (Standford v Lindley)* констатировал: «Довод, согласно которому деликт, представляющий собой некоторое неопределенное вмешательство в деловые контракты, не составляет деликта склонения к нарушению договора, я нахожу новым и удивительным, как думаю, и члены палаты Лордов»⁴⁸.

В 2007 году Палата лордов, в который раз отвергнув концепцию «генерального деликта» как чуждую английскому праву, единодушно рекомендовала не смешивать склонение к неисполнению договорных обязательств и вмешательство в экономическую деятельность, различия которых, по мнению английского суда, выражаются в следующем:

1) Незаконное вмешательство есть деликт «основной ответственности» ответчика, здесь не требуется противоправного деяния третьего лица. Склонение к неисполнению договорных обязательств создает «дополнительную ответственность», зависящую от основного противоправного деяния контрагента, третьего лица.

2) Незаконное вмешательство требует использования ответчиком средств, которые сами по себе являются противоправными, а потому наказуемыми. Использование незаконных средств со стороны ответчика исключается при склонении к неисполнению договорных обязательств их участниками.

⁴⁷ Christie, In. *Inducing Breach of Contract in Trade Disputes: Development of the Law in England and Canada* // McGill Law Journal, 2008, V13. P. 105.

⁴⁸ Christie, In. *Inducing Breach of Contract in Trade Disputes: Development of the Law in England and Canada* // McGill Law Journal, 2008, V13. P. 107.

3) Ответственность за незаконное вмешательство не зависит от существования договорных отношений между ответчиком, третьим лицом и истцом. В таком случае достаточно, что умышленное последствие противоправного деяния влечет причинение вреда в любой форме. Склонение к нарушению договора предполагает существование наличных договорных отношений. Если таковых нет - нет и дополнительного внедоговорного обязательства у третьих лиц.

4) Хотя оба деликта (склонение и вмешательство) описываются как намеренные действия ответчика, предполагаемые такими действиями последствия отличаются. В рамках незаконного вмешательства ответчик намерен нанести ущерб истцу, воспрепятствовать свободе договора. В рамках склонения к неисполнению договорных обязательств намерение вызвать нарушение условий договора его участниками со стороны ответчика является необходимым условием его ответственности и достаточно, даже если ответчик не намеревался при этом своими действиями вызвать ущерб у истца.

Самый простой способ разграничить деликты состоит в том, чтобы рассмотреть, какое требование, кроме требований истца против ответчика, могло бы быть выдвинуто еще. Как свидетельствует судебная практика, их наличие признается:

1) если истец мог бы также подать иск к лицу, не исполнившему под влиянием ответчика свои договорные обязательства, то иск к ответчику из внедоговорных обязательств из причинения вреда является вполне вероятным;

2) если третье лицо могло бы подать иск против ответчика, то иск к ответчику, вероятен из незаконного вмешательства.

В указанных выше случаях возможно и сочетание дополнительной и основной ответственности: если ответчик, намереваясь нанести вред истцу, будет угрожать третьему лицу нападением, требуя нарушить договор с истцом, то на ответчика будет возложена ответственность как на соучастника склонения третьего лица к нарушению договора, а также ответственность за незаконное вмешательство. Так, в трудовых спорах профсоюз может прибегать к незаконным мерам. Например, побуждает членов профсоюза нарушить их обязательства по трудовому договору, с целью оказать давление на работодателя, нарушить условия договора с кем-либо еще, что является реальной целью профсоюза ⁴⁹.

⁴⁹ UK House of Lords Confirms the Limitations of the Economic Torts of Intentionally Causing Economic Loss, 2007 // URL: <http://www.gibsondunn.com/> (дата обращения: 14.06.2015).

1.8 Деликтная ответственность за побуждение к неисполнению договора

Нормы английского права предоставляют судебную защиту в случае неправомерного вмешательства третьих лиц в договорные отношения⁵⁰. На практике такое вмешательство может принимать самые разные формы и осуществляться разными способами. Например, это могут быть прямые физические действия (trespass), угрозы или обещания неблагоприятных последствий (intimidation), намеренное введение участников договорных отношений в заблуждение (fraud), иные действия, приводящие к тому, что исполнение договорных обязательств утрачивает свой смысл и др.

Основу гражданско-правовой ответственности за действия третьих лиц, побуждающие к неисполнению договора, составляют внедоговорные обязательства. Иски из действий, побуждающих к неисполнению договора, позволяют участникам договорных отношений защищать свои права при их нарушении со стороны третьих лиц. В английском праве такие действия рассматриваются как деликты, а ответственность за них может наступать по нормам деликтного права (tort law) или по нормам права справедливости (equity law).

Классическое определение деликта в понимании английской правовой традиции было дано профессором Перси Уинфилдом (1878 - 1953). Под деликтом Уинфилд понимает неисполнение лицом имеющейся у него внедоговорной обязанности, которая у ответчика возникает не из договора, а объективно, из права. Неисполнение ответчиком такой внедоговорной обязанности служит правовой основой для защиты участниками договорных отношений их прав в случае их нарушения третьими лицами⁵¹.

Действия ответчика, побуждающие участников договора к неисполнению их договорных обязанностей, подпадают под нормы английского деликтного права и влекут такую же ответственность, как нарушение границ чужого земельного владения (trespass), создание неудобств (nuisance), клевета (defamation) и др.

Рассматривая нормы английского деликтного права об ответственности за побуждение участников договорных отношений к неисполнению договора, следует принимать во внимание, что традиционно судебная защита по таким делам предоставлялась лишь в строго ограниченных случаях, а именно, на основании норм о правонарушении. Объясняется это тем, что изначально нормы английского общего права предоставляли судебную защиту только тех прав, которые устанавливались договором или были нарушены злонамеренными действиями ответчика в форме правонарушения, т.е. деликта в

⁵⁰ Carpenter, C. E. Interference with Contract Relations // Harvard Law Review. 1928. 41(6), 728–768. // URL: <http://doi.org/10.2307/1329820> (дата обращения: 14.06.2015). P. 728.

⁵¹ Winfield and Jolowicz on Tort by W.V.H. Rogers. 20th ed. London: Sweet & Maxwell. 2010. P. 4.

собственном смысле слова (в английском праве это trespass). В истории английского права такое самоограничение юрисдикции государства устанавливается законами, принятыми еще в правление Генриха I (1068 - 1135) и известными как *Leges Henrici Primi*.

Например, в 1115 г. официально было провозглашено, что английский монарх берет на себя защиту прав подданных в весьма ограниченных пределах: «на четыре стороны света от его резиденции в пределах трех миль, трех фулонгов⁵², трех акров, девяти футов, а также на глубину трех локтей или трех ячменных зерен»⁵³. Современники это должны были понимать так, что юрисдикция королевского суда ограничивается лишь случаями, когда в действиях ответчика есть признаки «злоупотребления» (trespass), или если истец понес убытки вследствие неисполнения ответчиком взятых им на себя обязательств по договору (breach of contract). Во всех иных случаях королевские судьи иски не принимали, а истцы были вынуждены улаживать свои дела иными способами на основании норм обычного (местного) права. Как отмечает Р. Давид, когда речь шла о нарушении внедоговорных обязательств, истцы старались убедить суд, что ответчик перешел границы дозволенного, злоупотребил, чем нарушил право и вытекающую из него внедоговорную обязанность не делать этого, и это должно иметь такие же юридические последствия, как и обычное злоупотребление (trespass)⁵⁴. По прошествии времени под напором приемов «активной казуистики» узкие рамки юрисдикции судов раз от разу пересматривались, пока не приняли свои современные очертания⁵⁵.

Вернемся к нормам об ответственности за побуждение к неисполнению договорных обязательств. Как уже было отмечено, первоначально английские суды принимали иски только при условии, что неисполнение договора явилось следствием злоупотребления (trespass), а следовательно, при применении ответчиком физического насилия или принуждения в иной форме участника договорных отношений к неисполнению взятых на себя договорных обязательств. Например, если у хозяина нанятого им работника ответчик забирал силой. Если же работника переманивали или исполнение договора намеренно осложнялось иными, не связанными со злонамеренностью ответчика действиями, иски из побуждения к неисполнению договора не подлежали удовлетворению, а нарушенные права истца - судебной защите. Такое положение, однако, сохранялось недолго.

Пандемия оспы («черный мор») в Англии (1346—1353) привела к значительному сокращению населения. В хозяйствах стала ощущаться нехватка слуг и наемных

⁵² Фулонг — мера длины, равная одной восьмой мили.

⁵³ Ibbetson, D. A Historical Introduction to the Law of Obligations. Oxford, 2001. P. 40.

⁵⁴ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности [Текст] Р. Давид, К. Жоффре-Спинози / пер. с фр. В.А. Туманова. - М.: Междунар. отношения, 2003. С. 216.

⁵⁵ Богдановская И.Ю. Эволюция судебного прецедента в «общем праве» // Право. 2010. № 2. С. 76.

работников, особенно в сельской местности. В этой связи в правление Эдуарда III (1312-1377) принимаются законы о наемных работниках (Ордонанс о работниках и слугах 1349 г., Ордонанс о работниках 1351 г.⁵⁶). Работникам запрещалось самовольно уходить от хозяев, а хозяева наделялись правом принуждать своих работников не бросать работу. С этой целью вводились такие меры, как штрафы для работников, их содержание взаперти, заковывание в колодки, клеймение и др. Законодательные нововведения позволили хозяевам обращаться в суд с исками о взыскании упущенной выгоды с третьих лиц не только, когда такие действия подпадали под нормы об ответственности из злоупотреблений (trespass), но и в иных случаях. Например, когда истец переманивал чужого работника или слугу, действуя посулами, обещаниями больше заплатить за работу. В литературе в этой связи справедливо отмечается, что нормы английского деликтного права об ответственности за действия, влекущие неисполнение договора, своей исходной формой имеют деликты переманивания слуг и наемных работников⁵⁷.

В конце XIX в. в истории английского деликтного права происходит знаменательное событие. В значительной мере оно сказалось на всем последующем развитии норм об ответственности за побуждение к неисполнению договора. Обосновывая решение по делу *Боуэн против Нолла* (1881), наконец, был признан прецедентный характер решения, принятого судом, рассматривавшим дело *Ламли против Гэя* (1853)⁵⁸. С этого времени получает общее признание деликтная природа действий ответчика, которыми участник договорных отношений побуждается к неисполнению своих обязанностей по договору (inducing breach of contract).

Суть дела *Ламли против Гэя* вкратце такова. Некто мисс Джоанна Вагнер, оперная певица, заключила трудовой контракт с Бенджамином Ламли, управляющим королевским оперным театром «Хэймаркет». Согласно контракту, мисс Вагнер должна была выступать два раза в неделю в вечерних спектаклях в течение трех месяцев исключительно в театре у Ламли. Фредерику Гэю, управляющему театром «Ковент-Гарден», который конкурировал с театром Ламли, это было известно, однако он «противоправно и коварно подговаривал» мисс Вагнер отказаться от работы у Ламли и за большую плату перейти к нему. Это Гэю удалось. Ламли обратился в суд с иском, в котором просил взыскать с Гэя упущенную выгоду. Иск Ламли был удовлетворен.

⁵⁶ Косминский Е. А., Петрушевский Д.М. Английская деревня XIII-XIV вв. и восстание Уота Тайлера. Москва; Ленинград: Соцэкгиз, 1935.

⁵⁷ Sayre, Inducing Breach of Contract, 1923 // 36 Harv L. Rev. P. 665.

⁵⁸ Cracknell, D.G. Torts. 9th Ed. London: Old Bailey Press. 2000. P. 113.

В деле *Боуэн против Холла* (1881)⁵⁹ истец требовал возмещение в связи с тем, что ответчик (Холл) заставил своего работника Пирсона, который взялся изготовить для Боуэна кирпичи, отказаться от предложенной ему работы, пригрозив тому увольнением. Опираясь на мнение большинства, суд удовлетворил исковые претензии Боуэна к Холлу. Потребовалось еще двенадцать лет, чтобы в деле *Темпертон против Рассела* (1893)⁶⁰ по этому вопросу окончательно была поставлена точка, и побуждение к неисполнению договора в английском праве стало безоговорочно признаваться деликтом.

В XX веке нормы о деликтной (внедоговорной) ответственности из побуждения к неисполнению договора, продолжали уточняться, развиваться и совершенствоваться.

Так, рассматривая апелляционную жалобу по делу *Рукс против Бернарда* (1963), лорд Девлин определил целый ряд дополнительных требований, предъявляемых к деликту побуждения к неисполнению договора. «Помимо самих действий, побуждающих к неисполнению договора, - отметил лорд Девлин, - истцу требуется доказать, что ответчику было известно о существовании договора, а также что ответчик осознавал, что своими действиями он нарушает права, вытекающие из договора. Истец, кроме того, должен доказать, что целью действий ответчика являлось неправомерное вмешательство в договорные отношения других лиц. К тому же необходимо отсутствие обстоятельств, исключающих ответственность из причинения вреда побуждением к неисполнению договора. Истец должен доказать, что он понес фактические убытки вследствие действий, совершенных ответчиком. Причем, такие убытки должны превышать номинальное возмещение. Все эти элементы, или реквизиты, по моему мнению, являются неперенными требованиями для исков из побуждения к неисполнению договора»⁶¹.

Со времени решения, принятого по делу *Рукс против Бернарда*, прошло более полувека. Неудивительно, что позиция английских судов по искам из побуждения к неисполнению договора с тех пор в значительной мере обновилась.

Так, 2 мая 2007 года Палатой лордов было принято важное решение, которое имеет прецедентное значение применительно ко всем делам о взыскании упущенной выгоды или иного экономического вреда, включая дела о побуждения к неисполнению договора⁶². В частности, было отмечено, что судам надлежит различать между случаями, когда

⁵⁹ Howarth, D.R., O'Sullivan, J.A. Hepple, Howarth and Matthews' Tort: Cases and Materials. - 5th ed. - OUP UK, 2000. P. 858.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Cracknell, D.G. Torts. 9th Ed. London: Old Bailey Press. 2000. P. 153.

⁶² OBG Limited and others (Appellants) v Allan and others (Respondents); Douglas and another and others (Appellants) v Hello! Limited and others (Respondents); Mainstream Properties Limited (Appellants) v Young and others and another (Respondents) [2007] UKHL 21.

ответчиком применялись правомерные (допустимые) и неправомерные (недопустимые) средства.

В соответствии с современными требованиями экономические деликты, совершаемые намеренными действиями ответчика, по критерию их правомерности (допустимости) подразделяются на четыре вида:

- 1) побуждение кредитора или должника к неисполнению имеющихся у него договорных обязательств (inducing breach of contract);
- 2) вмешательство в профессиональную или коммерческую деятельность в отсутствие обстоятельств, исключающих деликтную ответственность (restraint of trade);
- 3) запугивание участников хозяйственной деятельности, влекущее убытки для третьих лиц (intimidation);
- 4) сговор к совершению участниками хозяйственного оборота неправомерных действий (conspiracy).

Развитие норм английского деликтного права в указанном выше направлении становится очевидным, если вспомнить, что лорд Эшер в решении по делу *Темпертон против Рассела* (1893) не проводил никакого различия между ответственностью из побуждения к неисполнению уже заключенного договора и из создания препятствий к тому, чтобы договор состоялся. В обоих случаях от истца требовалось доказать намерение ответчика так или иначе вмешаться в договорные отношения⁶³. Впоследствии эта позиция пересматривается.

Так, в деле *Аллен против Флуда* (1898)⁶⁴ Палата лордов признала мнение лорда Эшера далеким от очевидности, и разница в требованиях для этих двух ситуаций была обозначена⁶⁵. В частности, было признано, что в тех случаях, когда действия ответчика совершаются с целью воспрепятствовать заключению договора, ответственность возможна лишь только в том случае, если применялись неправомерные средства⁶⁶.

Одновременно решение по делу *Аллен против Флуда* (1898) заложило другое важное требование ответственности из побуждения к неисполнению договора - требование юридической действительности и наличности договора. Важно отметить, что деликт

⁶³ Brown R., *The Temperton v Russell Case, 1893 : The beginning of the legal offensive against the unions Bulletin of economic research* // Wiley-Blackwell, Vol. 23.1971. P. 54.

⁶⁴ Howarth, D.R., O'Sullivan, J.A. Hepple, Howarth and Matthews' *Tort: Cases and Materials*. - 5th ed. - OUP UK, 2000. P. 851.

⁶⁵ Christie, In. *Inducing Breach of Contract in Trade Disputes: Development of the Law in England and Canada* // McGill Law Journal, 2008, V13. P. 113 - 114.

⁶⁶ Верякина М.Н. Правовое регулирование экономических деликтов в английском праве: побуждение к нарушению договора и неправомерное вмешательство в осуществление экономической деятельности // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 2. С. 145.

побуждения к неисполнению договора не ограничивает форм действий ответчика, которыми ответчик может вмешиваться в исполнение договора его сторонами. В частности, это могут быть обещания, уговоры, просьбы, требования и др. При этом как побуждение к неисполнению договора могут рассматриваться не только намеренные действия ответчика, но и иные его действия, просто вызвавшие такие последствия (косвенное побуждение) ⁶⁷.

Исторически первым делом, в котором суд распространил нормы деликтного права на случаи косвенного побуждения к неисполнению договора, стало дело *Томсон и компания с ограниченной ответственностью против Дейкина* (1952) ⁶⁸. В этом деле побуждением к неисполнению договора было признано введение ответчиком непреодолимого эмбарго.

В настоящее время для ответственности из побуждения к неисполнению договора требуется соблюдение ряда условий.

Во-первых, истец должен доказать, что участник договорных отношений не исполнил свои обязательства по договору под влиянием действий ответчика. Прежде было достаточно доказать, что ответчик своими действиями препятствовал исполнению договорных обязательств.

Во-вторых, истец должен доказать, что ответчик склонил, заставил или побудил сторону в договоре отказаться от исполнения своих договорных обязательств перед истцом.

В-третьих, необходимо, чтобы ответчик не только предполагал, но и знал, что его действия обуславливают неисполнение договора. При этом простой осведомленности или уверенности ответчика, что участник договорных отношений будет действовать определенным способом и это приведет к неисполнению договора, недостаточно. Такие иски теперь требуют, чтобы ответчик осознавал, что его действия ведут к неисполнению договора. При этом ошибочное предположение ответчика относительно последствий своих действий не обязательно исключает ответственность из побуждения к неисполнению договора.

В-четвертых, намерением ответчика должны охватываться не только его собственные действия, но и неисполнение договора (хотя не требуется, чтобы такое намерение у ответчика было единственным или даже преобладающим).

Для ответственности из побуждения к неисполнению договора теперь недостаточно, если вмешательство в договорные отношения ответчиком является всего лишь последствиями его действий, которые ответчик мог предвидеть. Как определил лорд Хоффман в решении по иску известного американского актера Майкла Дугласа к журналу

⁶⁷ Crighton, J. Inducing Breach of Contract // *Rollingson Solicitors Articles*. 2012. № 10. // URL: <http://articles.rollingsons.co.uk/2012/10/inducing-breach-of-contract.html> (дата обращения: 14.06.2015).

⁶⁸ Cracknell, D.G. *Torts*. 9th Ed. London: Old Bailey Press. 2000. P. 179.

«Хэлло!» (2006), вмешательство ответчика в договорные отношения в рамках экономических деликтов, разновидностью которого является побуждение к неисполнению договора, может быть не только самоцелью ответчика, но и средством для достижения иных целей⁶⁹. Отсутствие такого намерения у ответчика исключает его ответственность из экономических деликтов вообще и из побуждения к неисполнению договора в частности.

Дело *Mainstream Properties Ltd. v. Young & Ors* [2005]⁷⁰ имеет особый интерес в плане определения современных требований норм английского права к деликтам побуждения к неисполнению договора. Рассматривая это дело, Палата лордов, в частности, поддержала решение Апелляционного суда, установившего, что к предмету доказывания по делам о побуждении к неисполнению договора относится не только осведомленность ответчика о существовании договорных отношений, в которые он вмешивается прямо или косвенно, но и его намерение в них вмешаться.

Суть данного дела такова. Служащие строительной компании «*Mainstream Properties Ltd*» Янг и Брод в нарушение своих обязательств по контракту с работодателем договорились со сторонним инвестором (Де Венте) о том, что они помогут ему приобрести земельный участок для последующей застройки и создания затем на этой основе совместного предприятия. Ответчику было известно, что их строительная компания приобретает земельные участки исключительно для себя. В этой связи Де Венте поинтересовался, могут ли Янг и Брод это делать и не приведет ли это к конфликту интересов с компанией, где они работают. Янг и Брод заверили Де Венте, что никакого конфликта интересов в таком случае не возникнет. Ответчик им поверил, не стал больше ничего выяснять и согласился быть инвестором, выделив для этого соответствующее финансирование.

Перед Палатой лордов в связи с делом *Mainstream Properties Ltd. v. Young* [2005] был поставлен вопрос, несет ли ответственность де Венте за побуждение служащих компании *Mainstream Properties Ltd.* к неисполнению имевшихся у них договорных обязательств. Суд пришел к выводу, что в этой ситуации у ответчика не было намерения понудить служащих строительной компании к неисполнению их договорных обязательств, а равно не было у него намерения причинить строительной компании экономический вред и им не использовались неправомерные средства. Поэтому для ответственности Де Венте за побуждение к неисполнению договора оснований нет.

⁶⁹ OBG Limited and others (Appellants) v Allan and others (Respondents); Douglas and another and others (Appellants) v Hello! Limited and others (Respondents); Mainstream Properties Limited (Appellants) v Young and others and another (Respondents) [2007] UKHL 21.

⁷⁰ Mainstream Properties Ltd v Young [2007] UKHL 21 // URL: <http://estatesgazette.com> (дата обращения: 14.06.2015).

С точки зрения требований норм, регламентирующих деликтную ответственность из побуждения к неисполнению договора, только лишь одной осведомленности ответчика о факте существования договора недостаточно. Чтобы возложить на такое лицо ответственность, требуется доказать, что ответчику был известен не только факт существования договора, но и что ответчик был осведомлен о его существенных условиях. Ответчик не может избежать ответственности, если при этом он сознательно игнорировал возможные последствия своих действий.

В указанном выше деле *Mainstream Properties Ltd. v Young* ответчик Де Венте, хотя предварительно и навел справки относительно положения дел, но в результате пришел к ошибочному убеждению, что его действия не приведут тех лиц, с которыми он имел дело, к неисполнению имевшихся у них договорных обязательств перед их компанией. Именно поэтому в иске к Де Венте из побуждения к неисполнению договора было отказано⁷¹. Лорд-судья Николс Беркенхед, имея в виду деликт из побуждения к неисполнению договора, в этой связи вполне определенно заявил: «Неосторожное вмешательство не влечет ответственности»⁷².

Иные требования предъявляются к условиям деликтной ответственности из побуждения к неисполнению договора в тех случаях, когда ответчиком применяются недопустимые (неправомерные) средства при вмешательстве в договорные отношения других лиц.

Следует отметить, что до настоящего времени Палата лордов не выработала единого мнения относительно того, какие средства являются недопустимыми (неправомерными). Судьи в большинстве склоняются к тому, что к числу недопустимых следует относить лишь те средства, применение которых было оспорено в порядке гражданского судопроизводства и повлекло убытки для истца. Данное мнение в настоящее время рассматривается как *ratio decidendi* (норма права) по делам данной категории.

Вместе с тем, по мнению лорда Беркенхеда, которое он изложил в решении Палаты лордов по делу *Mainstream Properties Ltd. v Young*, применение недопустимых с точки зрения права средств вмешательства в профессиональную или коммерческую деятельность выходит за пределы гражданско-правовой деликтной ответственности и относится к нарушениям договорных отношений преступными действиями⁷³. В законодательстве

⁷¹ OBG Limited and others (Appellants) v Allan and others (Respondents); Douglas and another and others (Appellants) v Hello! Limited and others (Respondents); Mainstream Properties Limited (Appellants) v Young and others and another (Respondents) [2007] UKHL 21.

⁷² Op. cit.

⁷³ Op. cit.

Российской Федерации относительным аналогом этой позиции могут служить положения ст. 179 УК РФ, которыми предусматривается уголовная ответственность за принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения.

Далее лорд Беркенхед приходит к выводу, что вмешательство в договорные отношения намеренными действиями не вписывается в рамки обязательственного права, а следовательно, ответственность в таких случаях должна быть не на основании норм общего права, а на основании статутного права (Statute law). Не исключается в таких случаях и ответственность на основании норм права справедливости (Equity law). По мнению лорда Беркенхеда, рассматривать такую ответственность следует в рамках фидуциарных обязательств. Использование недопустимых средств в целях побуждения участников договорных обязательств к их неисполнению или вмешательства в бизнес или коммерческую деятельность в иных формах выходят за рамки деликтного права ⁷⁴.

Для ответственности из побуждения к неисполнению договора требуется доказать, что ответчик имел намерение своими действиями навредить истцу. В то же время такое намерение не обязательно должно быть единственным или ведущим для ответчика. Например, ответственность наступает даже в том случае, если основная цель ответчика состояла в том, чтобы защитить или продвинуть свои собственные экономические интересы.

Аналогичным образом высказался лорд Сэлбор в деле *Боуэн против Холла* (1881), который, в частности, отметил следующее: «Если введение истца в убытки или получение преимуществ за его счет является прямой целью ответчика, его действия следует рассматривать как намеренное причинение вреда, а в случае косвенного целеполагания - как вмешательство в договор, предпринимательскую или коммерческую деятельность, если в результате возникает вред» ⁷⁵.

Наконец, следует отметить, что дела подобного рода требуют доказательства того, что истец в результате вмешательства ответчика в его договорные отношения понес реальные убытки или ему был причинен иной вред.

Палата лордов не раз подчеркивала различия в требованиях между деликтами побуждения к неисполнению договора и иного вмешательства в профессиональную или коммерческую деятельность.

В 2007 году Палата лордов, в который раз отвергнув концепцию «генерального деликта» как чуждую английскому праву, единодушно рекомендовала не смешивать

⁷⁴ Op. cit.

⁷⁵ Christie, In. Inducing Breach of Contract in Trade Disputes: Development of the Law in England and Canada // McGill Law Journal, 2008, V13. P. 105.

побуждение к неисполнению договора и вмешательство в экономическую деятельность, различия между которыми, по мнению английского суда, выражаются в следующем.

5) Незаконное вмешательство есть деликт «основной ответственности» ответчика, здесь не требуется противоправного деяния третьего лица. Побуждение стороны в договоре к неисполнению ее договорных обязательств создает «дополнительную ответственность», зависящую от основного противоправного деяния контрагента, третьего лица.

6) Незаконное вмешательство требует использования ответчиком средств, которые сами по себе являются противоправными, а потому наказуемыми. Использование незаконных средств со стороны ответчика исключается при побуждении к неисполнению договорных обязательств их участниками.

7) Ответственность за незаконное вмешательство не зависит от существования договорных отношений между ответчиком, третьим лицом и истцом. В таком случае достаточно, что умышленное последствие противоправного деяния влечет причинение вреда в любой форме. Побуждение к неисполнению договора предполагает существование наличных договорных отношений. Если таковых нет, то, не может возникнуть и дополнительное внедоговорное обязательство у третьих лиц.

8) Хотя оба деликта (побуждение к неисполнению договора и вмешательство в бизнес или коммерческую деятельность) описываются как намеренные действия ответчика, предполагаемые такими действиями последствия отличаются. В рамках незаконного вмешательства ответчик намерен нанести вред истцу, воспрепятствовать свободе договора. В рамках побуждения к неисполнению договора намерение вызвать неисполнение договора его участниками со стороны ответчика является необходимым условием его ответственности и достаточно, даже если ответчик не намеревался при этом своими действиями вызвать ущерб у истца.

Самый простой способ разграничить эти деликты состоит в том, чтобы рассмотреть, какое требование, кроме требований истца против ответчика, могло бы быть выдвинуто еще. Как свидетельствует судебная практика, их наличие признается:

3) если истец мог бы также подать иск к лицу, не исполнившему под влиянием ответчика свои договорные обязательства, то иск к ответчику из внедоговорных обязательств из причинения вреда является вполне вероятным;

4) если третье лицо могло бы подать иск против ответчика, то иск к ответчику, вероятен из незаконного вмешательства.

В указанных выше случаях возможно и сочетание дополнительной и основной ответственности: если ответчик, намереваясь нанести вред истцу, будет угрожать третьему лицу нападением, требуя нарушить договор с истцом, то на ответчика будет возложена ответственность как на соучастника в деликте побуждения третьего лица к неисполнению договора, а также ответственность за незаконное вмешательство. Так, в трудовых спорах профсоюз может прибегать к несоответствующим мерам. Например, побуждать членов профсоюза к неисполнению ими обязательств, вытекающих из трудового договора, с целью оказать давление на работодателя, а также к нарушению условий, предусмотренных договором работодателя с третьей стороной ⁷⁶.

В заключение отметим, что советы и рекомендации не исполнять договор, особенно если они даются незаинтересованным лицом, в судебной практике не влекут ответственности из побуждения к неисполнению договора по нормам деликтного права на том основании, что такие советы или рекомендации не могут рассматриваться как вызвавшие нарушение договорных прав истца. Кроме того, вмешательство в договорные отношения добросовестными действиями врачей, адвокатов, экспертов, людей других профессий с тем, чтобы предупредить вред жизни, здоровью или репутации человека не влекут ответственности на основании соответствующего иммунитета (*privilege*). Это положение давно признано в английском праве.

Так, в деле *Легрис против Маркот* (*Legris v Marcotte* (1906)) ⁷⁷ мать, намеревавшаяся определить своих детей для учебы в частную школу, что называется, из благих намерений сообщила директору, что некоторые дети в ее школе больны. Этого оказалось достаточно, чтобы директриса разорвала договор с родителями этих детей на их обучение в школе и выставила их за дверь. Родители обратились с иском в суд, обвинив Маркот в побуждении директрисы к неисполнению ею договора с ними на обучение их детей. Суд не признал Маркот ответственной на основании ее иммунитета, поскольку она действовала из благих намерений в целях охраны здоровья детей.

Не рассматриваются, кроме того, как деликт побуждения к неисполнению договора и не влекут ответственности действия (например, родителей, других родственников, знакомых), имеющие целью побудить жениха или невесту к расторжению уже состоявшейся помолвки или расторгнуть брак между супругами.

⁷⁶ UK House of Lords Confirms the Limitations of the Economic Torts of Intentionally Causing Economic Loss, 2007 // URL: <http://www.gibsondunn.com/> (дата обращения: 14.06.2015).

⁷⁷ Carpenter, C. E. Interference with Contract Relations // Harvard Law Review. 1928. 41(6). P. 748.

2. Деликтные обязательства в немецком праве

2.1 Понятие деликтных обязательств в немецком праве

Говоря о деликтных обязательствах в немецком праве, нельзя не учитывать их историческую ретроспективу.

Традиционное немецкое право (*Gemeine Recht*) впитало в себя традиции римского, а затем и средневекового права. Прусское земское уложение (*Allgemeines Landrecht für die Preußischen Staaten*) – закон, принятый в 1794 году, - содержал нормы, в том числе посвященные деликтной ответственности. Общее правило, применяемое в этот исторический период к деликтам, сводилось к тому, что пострадавшая сторона получала компенсацию за причиненный вред только в том случае, если сторона, причинившая вред, действовала преднамеренно или халатно. При этом бремя доказывания вины причинителя вреда лежало на потерпевшей стороне, которая должна была представить суду неопровержимые доказательства факта причинения конкретным лицом вреда.

В то же время, прусское законодательство предусматривало и ряд исключений из общего правила, суть которых сводилась к возможности применения к некоторым категориям нанесших вред лиц строгой ответственности.

Так, землевладельцы, извозчики и владельцы барж несли ответственность за любой ущерб, причиненный их деятельностью независимо от вины. Так же они несли ответственность за любой вред, причиненный их работниками. Избежать ответственности можно было только в случае, если неблагоприятные последствия были следствием «Божественного промысла».

Кардинальные изменения в традиционном подходе к деликтным обязательствам в немецком праве наметились с появлением и распространением в Германии в первой половине XIX века железных дорог. В 1838 году был принят в Пруссии закон о железных дорогах (*Preußische Eisenbahngesetz*). Помимо прочего, в нем содержались нормы, вводившие строгую ответственность в случае происшествий на железной дороге. Такой подход законодателя шел в разрез со сложившейся до этого периода судебной практикой, которая требовала доказательств вины ответчика в случаях, когда речь шла о возмещении вреда, причиненного вне договорных отношений.

Закономерным итогом развития подхода германского законодателя к вопросам деликтной ответственности стало принятие *Bürgerliches Gesetzbuch (BGB)* - Германского гражданского уложения (далее - ГГУ). Вступивший в силу с 1 января 1900 года этот фундаментальный нормативный правовой акт вобрал в себя лучшие традиции римского и немецкого права.

ГГУ и в особенности его положения, относящиеся к деликтам, пережили многие драматические политические и социальные изменения, происходившие в Германии в XX в.⁷⁸ Германская империя в конце XIX в. породила закон, который пережил Веймарскую республику, нацистский режим, западно-германский «социальный» капитализм, восточно-германский «реальный» социализм, и дожил до объединенной Германии после падения берлинской стены. Тридцать один параграф составляет часть ГГУ, посвященную деликтам. Эти нормы оставались неизменными с момента их принятия и были незначительно изменены лишь в 2002 году⁷⁹.

Необходимо отметить, что создатели ГГУ прошли непростой путь и сформировали во многом уникальную систему деликтов, которая впоследствии стала именоваться «немецкой». На рубеже XIX и XX вв. все четче вырисовывалось несовершенство системы, доставшейся от Римского права, которая не знала понятие генерального деликта и предусматривала отдельные виды деликтов. Очевидным вариантом решения проблемы многие немецкие юристы считали необходимость взять за основу для положений нового закона, идущего на смену старого, французский опыт. В этой связи предполагалась концепция генерального деликта. Прогрессивный Французский гражданский кодекс 1804 г., предлагал именно такой подход к проблеме. Особую актуальность такому варианту законодательной основы деликтной ответственности придавал и тот факт, что конструкция генерального деликта, в то время, не была чужда правовому развитию во многих землях в самой Германии.

В итоге разработчики ГГУ предусмотрели «гибридную» нормативную конструкцию, сочетающую в себе как общее понятие деликта, так и ряд его отдельных составов⁸⁰. Во многом эти решения состоялись из-за опасений, связанных с тем, что, если в законе будет содержаться только одна общая норма, вся тяжесть проблемы будет переложена с плеч законодателя на судебную систему. К тому же, немецкие юристы в целом с недоверием относились к неоднозначной судебной практике в соседней Франции, которая опиралась на положения ФГК о деликтах.

В развитие положений ГГУ, в Германии был принят также ряд специальных законов, регламентирующих ответственность за вред, причиненный в различных областях человеческой деятельности. Автотранспорт, воздухоплавание, атомная энергетика, и прочее

⁷⁸ Подробнее о предпосылках развития законодательства в этой области см.: Jörg Fedtke, *The Culture of German Tort Law* (2012) 3 *Journal of European Tort Law* 183-209.

⁷⁹ Обзор реформы 2002 года представлен в: J. Fedtke, *The Reform of German Tort Law* (2003) 4 *European Review of Private Law (ERPL)* 485.

⁸⁰ Подробнее см.: Markesinis B.S., Unberath H. *The German Law of Torts: A Comparative Treatise*, Hart Publishing, 2002.

– области, в которых присутствуют специальные нормы, посвященные деликтной ответственности.

Законодательство ФРГ в целом, а также в части нормативно-правового регулирования деликтной ответственности, является примером развитого и прогрессивного подхода законодателя. Сочетая в себе консерватизм и традицию с актуальностью и гибкостью, немецкое законодательство о деликтах в совокупности с правоприменительной практикой представляют собой пример успешного симбиоза, целью которого является устранение неблагоприятных последствий деликта и полное возмещение убытков причиненных пострадавшей стороне.

ГГУ состоит из 2 385 статей или, как их чаще называют – параграфов. 30 параграфов, формируют 25 главу второй книги, посвященной обязательствам, и относятся к деликтному праву. Эти тридцать параграфов демонстрируют разницу в отношении к деликтам в сравнении всего с пятью статьями во Французском гражданском кодексе (ФГК). Систематизированный и детальный подход к предмету немецких цивилистов, а также скачок в развитии права, который произошел в период между принятием в 1804 году ФГК и появлением в 1900 году ГГУ, дали закономерный итог – появился закон, который некоторые известные специалисты называют лучшим кодексом в мире⁸¹.

В итоге, появилась трехзвенная система, состоящая из трех основных положений ГГУ о деликте (ч. 1 и 2 § 823 и § 826), поименованных деликтов, содержащихся в других параграфах ГГУ (например, распространение сведений, ставящих под угрозу кредитоспособность (§ 824), принуждение к внебрачной половой связи (§ 825), ответственность за вред, причиненный домашним животным (§ 834) и прочее), норм о субсидиарной ответственности и предусмотренных законами случаев абсолютной ответственности. Она стала, в своем роде, компромиссом между генеральным деликтом ФГК и основанном на сингулярных деликтах подходе общей системы права.

Положения ГГУ о деликтах можно также разделить на те, которые предусматривают ответственность при наличии вины причинителя вреда и на основания, позволяющие применить деликтную ответственность даже при отсутствии виновного поведения. Ряд норм ГГУ (§§ 823, 824-826, 830 и 839) предусматривают ответственность при наличии вины причинителя вреда. Другие нормы (§§ 831, 832, 833, 834, 836, 837, 838) ГГУ ставят наступление ответственности в зависимость от того проявило ли указанное в законе лицо разумную предусмотрительность, заботливость или нет. Говоря о вине, нельзя не упомянуть и о случаях, когда действует абсолютная ответственность – не зависящая от

⁸¹ Frederic William Maitland, The Collected Papers of Frederic William Maitland, Vol. 3, P. 463.

вины. Специальными законами (например, Закон о дорожном движении (Strassenverkehrsgesetz)).

Необходимо отметить, что положения ГГУ в части деликтной ответственности нельзя рассматривать в отрыве от иных положений законодательства и в особенности той его части, которая посвящена обязательствам. Так, вопрос неразумного и непредусмотрительного поведения потерпевшей стороны и влияния такого поведения на результаты рассмотрения иска потерпевшей стороны в суде, решается § 254 ГГУ, в соответствии с которым обязательство возместить нерадивому истцу ущерб зависит от того, в какой степени травма была вызвана преимущественно одной или другой стороной спора. Еще одним примером вопроса, на который не найти однозначного ответа в разделе ГГУ о деликтах, является вопрос о противоправности деяния. Для ответа на этот вопрос необходимо учитывать и положения таких §§ как 227-231, 904 ГГУ.

2.2 Концепция генерального деликта в немецком праве

Состав гражданско-правовых деликтов, а также виды ответственности за них, различны в разные периоды истории и в различных законодательствах. Так, римское право, в котором сформировались основы современного деликтного права, не содержало общего понятия деликта. Оно знало лишь отдельные виды деликтов, широко распространяемые при помощи интерпретации, но все-таки оставляющие значительное количество отношений без защиты.

В континентальной системе права действует принцип генерального деликта, который заключается в широкой формулировке понятия деликта, охватывающего все случаи причинения вреда⁸².

Немецкий законодатель, сознавая значение общего принципа деликтной ответственности, приближается ближе к римскому нежели французскому праву. В германском гражданском уложении генеральный деликт выражен в общем определении деликтной ответственности и при этом перечисляются отдельные виды деликта, с целью уточнения и раскрытия понятия генерального деликта. Под деликтами понимаются не только то, что наносит имущественный и нравственный вред личности, но и не только недозволенные законом, но и дозволенные им действия, если они противны общественному

⁸² См.: Отраднова О.А. Генеральный деликт в гражданском праве // Наследие юридической науки и современность: Материалы заседаний V Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26-28 мая 2010 г.). М.: Юриспруденция, 2011. С. 425 - 432; Ларионова А.В. Понятие обязательства из деликтов: от древнеримского к современному российскому и англо-американскому //Юридические записки студенческого научного сообщества. Сборник статей. – Ярославль, 2003, Вып. 3 – С. 33-34.

порядку и причиняют кому-либо ущерб. С таким широким понятием деликта в руках судья получает большую и необходимую для него свободу борьбы с нарушениями.

Говоря о конструкции генерального деликта в немецком праве, в первую очередь нужно детально рассмотреть ч. 1 § 823 ГГУ. В ней сказано следующее: «Лицо, противоправными умышленными или небрежными действиями причинившее вред жизни, телесной неприкосновенности или здоровью, посягнувшее на свободу, право собственности или иное право другого лица, обязано возместить потерпевшему понесенные вследствие этого убытки». Фактически, эта часть нормы «покрывает» различные случаи причинения вреда кроме, разве что экономических убытков (хотя и они, в некоторых случаях, могут быть компенсированы с использованием данной нормы). При этом большинство требований, связанных с компенсацией экономических убытков, предъявляются на основании § 826 ГГУ, в котором сказано, что лицо, противоправными умышленными действиями причинившее вред другому лицу обязано возместить потерпевшему понесенные вследствие этого убытки.

Норма в ч. 1 § 823 ГГУ шире в сравнении с нормой в § 826 и распространяется на большее число случаев причинения вреда, поскольку покрывает не только причинение вреда намеренными действиями, но и небрежное причинение вреда. Чтобы механизм, предусмотренный этой нормой был задействован, необходимо соблюдение нескольких условий: во-первых, в результате чьих-либо действий, должно быть нарушено одно из перечисленных в статье прав или интересов, то есть причинен вред жизни, телесной неприкосновенности, здоровью, нарушено право на свободу, права собственности или «иное право»; во-вторых, действие должно быть противоправным; в-третьих, действие должно быть виновным (умышленным или неосторожным); в-четвертых, должна быть причинно-следственная связь между причиненным вредом и указанными выше действиями.

Причинение вреда жизни, с точки зрения немецкого законодателя, означает убийство, а, следовательно, требование компенсации, связано с действиями третьих лиц, которые основывают свои требования на положениях §§ 844, 845 и 846 ГГУ. В соответствии с ч. 2 § 844 ГГУ указанными выше «третьими» лицами можно признать тех, кого умерший обязан был в соответствии с законом содержать.

В разделе ГГУ, посвященном семейному праву, содержится перечень этих лиц. К ним относятся супруги и несовершеннолетние дети (§§ 1360, 1602 ГГУ), все наследники по прямой линии (§1601 ГГУ) и в некоторых случаях даже раздельно проживающие (§1361 ГГУ) и разведенные (§ 1569 ГГУ) супруги. Также немецкое право относит к

потенциальным истцам по таким делам лиц, зачатых, но не рожденных на момент смерти кормильца (часть 2 §844).

В английском праве и в США указанные выше действия, определяются как «fatal accident action», а ответственность наступает в соответствии с «Wrongful Death Statutes», соответственно. По сути, эти нормы представляют собой механизм, позволяющий получить компенсацию в случае потери кормильца.

До 2001 года в немецком праве действовал § 847 ГГУ, который предусматривал для потерпевшего лица возможность, в случае причинения телесных повреждений или вреда здоровью, а также в случае лишения свободы требовать справедливого денежного возмещения вследствие причинения ему вреда, который не имеет имущественного характера. Указанный параграф был исключен в 2001 году и в настоящее время подобные требования истцами заявляются на основании общих положений ч. 1 § 823 ГГУ⁸³.

Причинение вреда телесной неприкосновенности, в соответствии с немецким деликтным правом, означает внешние повреждения анатомической целостности тела истца (например, оторванная конечность, перелом ноги или руки, ссадины или ожоги и др.). В то же время, понятием вреда здоровью человека охватывается также иными последствиями. В качестве примера можно привести заболевания внутренних органов, воспаления, инфекции, отравления, интоксикации, заражение ВИЧ-инфекцией, потеря сна, психические расстройства и многое другое. Во всех указанных выше случаях обязательным условием является некое вмешательство со стороны ответчика, которое приводит к негативным последствиям. Однако не всегда вред, причиненный здоровью человека, целиком проявляется в результате внешнего воздействия. Зачастую, неблагоприятный итог становится следствием совокупности обстоятельств, включающих в себя как внешнее воздействие, так и персональные особенности конкретного человека, такие как индивидуальная непереносимость к веществам, скрытые заболевания и др.

В соответствии с нормами немецкого права причинение физического вреда и состоянию здоровья потерпевшего компенсируется в полной мере. Вместе с тем суды исходят из того, что обязанность пострадавшего лица соблюдать разумную осторожность презюмируется и соблюдается априори. Примером отношения правосудия в ФРГ к проблеме защиты телесной неприкосновенности и здоровья человека является подход, сформировавшийся в девяностых годах прошлого столетия, к случаям непреднамеренного

⁸³ См. BGHZ 35, 363, 365ff.; BGH, решение от 15 ноября 1994 года, дело № VI ZR 56/94 = Neue Juristische Wochenschrift (NJW) 1995, 861-865, 864f.; Решение от 01 декабря 1999 года, дело № I ZR 49/97 00 = NJW 2000, 2195-2201, 2197; Решение от 05 октября 2004 года, дело № VI ZR 255/03 05 = NJW 2005, 215-218, 216.

уничтожения замороженных образцов спермы, переданной в специализированное хранилище. Судебная практика признает такие случаи вредом здоровью человека и обязывает к соответствующей компенсации лиц, причинивших такой вред⁸⁴.

Так, по мнению судов, части тела, отделенные от него, признаются для целей деликтного права «вещами». Но если их предназначение – быть воссоединенными с телом, в том числе, если они могут быть использованы в естественных для человека процессах, то какое-либо внешнее воздействие на них по сути является воздействием на тело человека и защищается положениями ч. 1 § 823 ГГУ. Данный случай не только демонстрирует подход судов к проблеме возмещения вреда, причиненного вне договорных отношений, но и раскрывает потенциал положений ГГУ о деликтах, которые, хотя и были сформированы более ста лет тому назад, но до сих пор сохраняют свою силу и могут быть использованы судом для разрешения неоднозначных правовых коллизий, порождаемых прогрессом в различных областях человеческой жизнедеятельности.

Помимо описанного выше «стандартного» режима компенсации вреда, причиненного телу и здоровью, существуют и отличные от него, специальные подходы. Так, законом «О ВИЧ-инфекции» от 24 июля 1995 года предусматривается создание специального компенсационного фонда, капитал которого формируется федеральным правительством, правительством земель, ведущими фармацевтическими компаниями и организацией Немецкий Красный Крест. Жертвы заражения ВИЧ-инфекцией в результате переливания крови или донорства, а также специально оговоренный в законе круг лиц, получают компенсации из этого фонда.

Также в немецком праве выделяются три вида физического вреда здоровью человека, ответственность за причинение которого регламентируется специальными нормами. Это нервный шок, дородовые и родовые травмы.

Например, решение вопросов деликтной ответственности вследствие нервного шока, являющимся, по сути, психическим расстройством, не всегда находят однозначный ответ в немецком праве. Такой шок может быть результатом переживаний, страха за свою безопасность или явиться последствием того, что лицо стало свидетелем аварии с человеческими жертвами, преступных насильственных действий, иных шокирующих происшествий, откровенных сообщений в средствах массовой информации. Следует ли в таких случаях компенсировать только вред причиненный здоровью близких родственников потерпевшего или лицам, которые оказались свидетелями инцидента или испытывают страдания, узнавая о несчастном случае? Могут ли случайные свидетели или люди,

⁸⁴ BGH, решение от 9 ноября 1993 года, NJW 1994, 127=JZ 1994, 464/

пришедшие на помощь пострадавшему, обращаться с требованиями о компенсации вреда, причиненного их психике? Подобные дела, разрешаются немецкими судами и эти решения могут быть неоднозначными⁸⁵.

В любом случае, следует отметить, что психологическая травма рассматривается немецким правосудием в качестве причинения вреда здоровью и защищается положениями ч. 1 § 823 ГГУ. При этом надо учитывать, что не любой нервный шок будет восприниматься судом как основание для компенсации. Так, суды не признают причинением вреда здоровью жертвы, переживания, вызванные уничтожением или повреждением имущества⁸⁶ или известием о том, что в отношении близкого родственника возбуждено уголовное дело и проводятся следственные действия⁸⁷. Большинство разрешенных в пользу истцов дел, связанных с компенсацией вреда, причиненного психическому здоровью истца, объединяет тот факт, что истцы являются близкими родственниками погибшего или серьезно пострадавшего лица. Третьи лица, не являющиеся родственниками, по общему правилу, не могут претендовать на успех в подобных делах. Хотя в некоторых случаях суды все же удовлетворяют такие исковые требования, если речь идет о близких, не связанных узами кровно-родственных отношений, например, если истцом является любовница жертвы⁸⁸. Тут необходимо упомянуть о том, что суды, как правило, компенсируют такой вред номинально, присуждая истцу незначительное возмещение.

Дородовые травмы – еще одна разновидность физического вреда, о которой стоит упомянуть отдельно. В рамках рассмотрения этого вопроса следует отметить тот факт, что немецкое право не признает находящийся в материнской утробе плод полноценной личностью. Иной подход породил бы конфликт между правом матери решать оставлять ли ребенка или делать аборт, который легализован в Германии. В то же время, имеет значение момент, с которого можно считать, что плод обладает какими-либо правами. В немецком, как и английском, праве истцам дозволяется требовать компенсацию за вред, причиненный во время нахождения в утробе матери. Однако предъявление таких претензий возможно только после рождения травмированного ребенка. В США некоторые суды допускают указанную выше возможность и в тех случаях, когда плод признавался жизнеспособным на момент причинения травмы, но сохранить ребенка живым не удастся.

Третий вид вреда, с которым сталкиваются немецкие суды при разрешении споров, основанных на § 823 ГГУ, представляет собой, во-первых, то, что в странах общего права

⁸⁵ См. BGHZ 56, 163 = NJW 1971, 1883 = VersR 1971, 905, 1140; BGH NJW 1989, 2317.

⁸⁶ LG Hildesheim, VersR 1970, 720

⁸⁷ LG Hamburg, NJW 1969, 615.

⁸⁸ LG Frankfurt, NJW 1969, 2286.

называется «wrongful life». Это ситуации, при которых родившийся ребенок в лице своих законных представителей обращается с исковыми требованиями о возмещении вреда к медицинскому учреждению, которое, в период беременности должно было знать или знало о каких-либо патологиях в развитии беременности матери, но не уведомило об этом родителей, что, в свою очередь, не позволило им принять информированное решение о том, следует ли оставлять беременность или нет. Во-вторых, это случаи так называемого «wrongful birth». В данном случае с иском обращается не сам ребенок, а члены его семьи. В-третьих, это иски из «wrongful conception», суть которых состоит в том, что зачатие происходит и рождается вполне здоровый ребенок из-за небрежно проведенной операции по стерилизации родителя. Судебная практика по таким делам в Германии богата и противоречива.

Как было отмечено выше, кроме вреда физическому и психическому здоровью человека, ч. 1 § 823 ГГУ предоставляет защиту от любых посягательств на свободу передвижения человека. Примером таких исков могут быть требования о возмещении вреда в случаях, когда арест производится с нарушением установленных требований или, например, по ложному доносу⁸⁹.

Еще один законный интерес, который защищает немецкий законодатель, в том числе с помощью положений ч. 1 § 823 ГГУ, это – право собственности. Право собственности – одно из фундаментальных прав, всецело охраняемых нормами деликтного и договорного права в ФРГ. Любое наступающее вследствие внешнего воздействия изменение состояния имущества (движимого или недвижимого), например, повреждение в следствие дорожно-транспортного происшествия автомобиля, влечет возможность возмещения причиненного вреда. Или, например, загрязнение кормов для скота химическими веществами, что приводит к тому, что мясо скота становится непригодным для употребления в пищу – также подпадает под защиту положений § 823⁹⁰. Перемещение чьей-либо собственности без ведома и вопреки воле собственника – так же может стать поводом для компенсации. Пользование вещью без разрешения собственника, даже если в результате ей и не причинен какой-либо вред, так же является основанием наступления деликтной ответственности. Уронили обручальное кольцо истца в реку, выпустили домашнее животное погулять на соседский участок – будьте готовы отвечать по § 823 I ГГУ.

⁸⁹ Подробнее см. Leinemann, Der Begriff Freiheit nach § 823 I BGB (1969); Larenz/Canaris, Methodenlehre der Rechtswissenschaft § 76 II 2, p. 385.

⁹⁰ BGH 8 ноября 1988, MDR

Ограничение возможности собственника пользоваться собственностью, так же подпадает под действие указанной нормы⁹¹. Даже если при таком ограничении и не причиняется какой-либо вред самой вещи, а единственная потеря собственника, это – в чистом виде экономические убытки в виде неполученной прибыли. Однако, немецкие суды позволяют защищать свои права собственнику в подобных ситуациях только если последний полностью лишен возможности пользоваться своим имуществом⁹² и лишение длится долго⁹³. Дискуссионным и, одновременно, практически значимым является вопрос о том теряет ли вещь свою стоимость в процессе ее удержания и в следствие невозможности собственника пользоваться ей и распоряжаться. Например, в одном из решений (BGHZ 55, 153) суд посчитал, что стоимость судна, удерживаемого в порту, уменьшилась, в то время как оно же, находясь в открытом море, сохранило бы свою стоимость. На практике такие решения судами принимаются нередко, но среди немецких цивилистов не утихают споры относительно их правомерности⁹⁴. При этом некоторые ученые считают такие случаи «исключительными», отмечая необходимость определения более четких границ, за пределами которых деликтная ответственность не должна наступать.

Так, не должна приниматься во внимание амортизация автомобиля, вызванная холостой работой двигателя во время простоев в пробках. Следует обратить внимание на тот факт, что в большинстве случаев, когда применяются положения ч. 1 § 823 ГГУ в целях защиты имущества, присутствует физическое воздействие на имущество истца. Однако это не обязательный элемент. Нарушение третьими лицами права собственности также может быть компенсировано в указанном выше порядке. Например, если арендатор продает вопреки воле собственника арендованную вещь⁹⁵.

Еще одним правомочием, нарушение которого может повлечь применение ч. 1 § 823 ГГУ, является владение. В соответствии с требованиями ГГУ владение – это физическая связь собственника с вещью, нежели правовая. § 854 ГГУ содержит норму, описывающую владение вещью как реальную возможность распоряжаться вещью по своему усмотрению. Понятие владения, безусловно, не тождественно праву собственности, а, следовательно, важно определить подпадает ли оно под упомянутые в § 823 ГГУ другие права («sonstiges Recht»), защищаемые нормами деликтного права, а также возможно ли получить возмещение вреда, причиненного нарушением владения.

⁹¹ BGH 21 июня 1977, NJW 1977, 2264.

⁹² BGH 21 декабря 1970, BGHZ 55, 153.

⁹³ BGH 21 июня 1977, NJW 1977, 2264.

⁹⁴ Larenz/Canaris, Methodenlehre der Rechtswissenschaft § 76 II 2, p. 388-90.

⁹⁵ BGH 7 декабря 1993, MDR 1994, 254.

Первый раздел третьей книги ГГУ посвящен владению. Нормы, содержащиеся в нем, предоставляют владению разнообразную защиту, независимо от основания владения (при условии, что оно является законным). Суды, рассматривая споры, связанные с незаконным лишением владения, часто встают на сторону истцов, требующих, помимо прочего, денежного возмещения на основании положений § 823-I ГГУ⁹⁶.

Таким же образом немецкие суды защищают и иные ограниченные вещные права, такие, например, как сервитуты, usufruct. Они их относят к иным правам, упомянутым в с. 1 § 823 ГГУ.

Отдельно необходимо остановиться на проблемах, связанных с возмещением вреда, который выражается в причинении экономических убытков. В перечень защищаемых ч. 1 § 823 ГГУ интересов не входит благосостояние (Vermogen). В ситуации, когда немецкое правосудие сталкивается с требованиями возмещения чисто экономического ущерба (reiner Vermögensschaden), то есть, ущербом, который не является прямым следствием действий ответчика, возникает масса сложностей. Именно в этой области немецкое право демонстрирует полную солидарность с позицией по этим вопросам в английском общем праве, нормы которого не предусматривают возможность возмещения чисто экономического ущерба посредством механизма деликтной ответственности. Несмотря на такую принципиальную позицию, попытки со стороны немецких юристов, судебной системы пробить эту «стену» не прекращаются, тем более, что в соседней Франции исповедуется диаметрально противоположный подход к этому вопросу. Здесь опасения того, что пересмотр норм деликтного права приведет к стихийному росту числа судебных дел, не оправдывается.

Одной из причин, по которым экономический ущерб, по общему правилу, не подлежит возмещению в рамках концепции генерального деликта в немецком праве, являются опасения того, что в случае признания указанной выше возможности в деятельности судов могут возникнуть сложности, связанные с ростом обращений с исками.

Еще в 1861 году известный немецкий юрист Рудольф фон Йеринг отмечал: «Представьте, что произойдет, если в суды будут подаваться иски, вытекающие из внедоговорных отношений, а лица будут нести ответственность и за грубую неосторожность, и за умысел! Неосторожно брошенная фраза, выдуманная история, плохой совет и недостоверная информация, необоснованное суждение о чем-либо, незаслуженная рекомендация когда-то нанятой домработницы, ответ на вопрос путешественника о

⁹⁶ Подробнее: Deutsch, «Das Eigentum als absolutes Recht und als Schutzgegenstand der Haftung», MDR 1988, 441; Deutsch, Juristen-Zeitung (JZ) 1984, 308; JZ 1990, 733.

времени и месте и так далее, одним словом, все и вся, будучи грубо неосторожным, сделает лицо ответственным за вред, несмотря на благие намерения; и в свете такого расширенного толкования ответственности *actio de dolo* станет настоящим бичом коммерческого и социального общения, свободное общение будет затруднено, самое безобидное слово станет ловушкой!»⁹⁷.

Такие же настроения преобладают и в английском праве. В известном решении Апелляционного суда 1985 года по делу «The Aliakmon» отмечается: «Философия рынка подразумевает, что получение прибыли путем причинения экономического ущерба конкурентам законно и известные злоупотребления, включающие вмешательство в чужие контракты, ограничиваются специфическими преднамеренными злоупотреблениями такими, как инициация расторжения контракта или сговор»⁹⁸. Аналогичные суждения господствуют и в Германии. Так, авторитетный немецкий цивилист профессор Канарис считает, что подход, не допускающий возмещение экономического вреда, служит гарантом личной свободы граждан⁹⁹.

Кроме того, еще одним «аргументом» против распространения деликтной ответственности на случаи причинения экономического вреда, является необходимость учитывать интересы страховой индустрии.

В целом отношение немецкого законодателя к проблеме компенсации экономических потерь не меняется. Отдельные попытки изменить ситуацию предпринимаются и в академических кругах и некоторыми судами, но это не влияет на распространение общего подхода, сформировавшегося еще в XIX веке. В то же время, строгость немецкого деликтного права подтолкнула развитие договорного права в направлении, позволяющем использовать новые механизмы защиты интересов пострадавших сторон.

Во многих областях немецкого деликтного права на сегодняшний день сохраняется положение, при котором возможность возмещения чистого экономического ущерба не предусматривается. Практика разрешения так называемых «кабельных» дел, когда в результате повреждения электрического кабеля при проведении каких-либо работ обесточивается производство и возникают финансовые убытки, демонстрирует, что

⁹⁷ R. Jhering, «Culpa in Contrahendo», Jahrbucher für die Dogmatik des heutigen römischen Privatrechts 4 (1861) 1, 12.

⁹⁸ The Aliakmon [1985] QB 350, 393.

⁹⁹ Larenz/Canaris, Methodenlehre der Rechtswissenschaft § 76 II 2, p. 357.

немецкое деликтное право остается на прежних позициях, не позволяющих возмещение экономического вреда¹⁰⁰.

Провести четкую границу в делах, касающихся экономических потерь, не так просто, как это может показаться на первый взгляд. Разница между причинением материального вреда уничтожением или повреждением имущества и финансовым ущербом бывает не всегда столь очевидной. Например, лицо повреждает кабель, принадлежащий соседу, и обесточивает фабрику, принадлежащую третьему лицу. Расплавленное вещество, которое находится в электрических печах, предназначенное для производства продукции, вследствие этого застывает, что приводит не только к порче оборудования, - печи приходится ломать, - но и к тому, что продукция, которая могла быть произведена за время вынужденного простоя, оказывается не произведенной. Возникает не только материальный ущерб, который может быть компенсирован в соответствии с положениями ч. 1 § 823 ГГУ, но и чисто экономический ущерб, возмещение которого оказывается проблематичным. А как быть, если расплавленный материал в плавильных печах удастся извлечь и пустить в работу без ущерба и дополнительных затрат и от владельца фабрики потребуются лишь дополнительные финансовые затраты, подлежат ли такие расходы компенсации в рамках норм немецкого деликтного права? Немецкие суды в таких случаях отказывают истцам в удовлетворении их исковых претензий.

В странах общего права решения по подобным делам могут отличаться в зависимости от того, где такие дела рассматриваются. Так, если ответчик ранил сотрудника или должника истца, в английском суде истец не может рассчитывать на возмещение вреда в рамках деликтного права за причиненные ему экономические убытки. В то же время в других юрисдикциях, относящихся к системе общего права, это вполне возможно (Австралия, Новая Зеландия, Канада)¹⁰¹.

В соответствии с господствующей в немецком гражданском праве доктриной вред, причиненный нарушением контрактных или квази-контрактных обязательств, не подлежит возмещению на основании ч. 1 § 823 ГГУ. Такие дела, например, как дело Колмара во Франции (Colmar, 20 avril 1955, D. 1956, 723), решение суда по которому позволило футбольному клубу возместить финансовые убытки, возникшие в результате травмы, причиненной одному из ключевых игроков, в ФРГ решаются иначе.

¹⁰⁰ BGHZ 29, 65; BGH NJW 1976, 1740; BGH NJW 1977, 2208.

¹⁰¹ Подробнее: Hilgenfeldt, Der Ersatz von Vermögensschaden bei der Unterbrechung von Versorgungsleitungen (1981); Schulze, «Die Beschädigung von Erdkabeln von Erdkabeln und sonstigen Erdeleitungen der Energieversorgungsunternehmen durch unerlaubte Handlungen Dritter, insbesondere durch Tiefbauunternehmen», VersR 1998, 12; Taupitz, Haftung für Energieleiterstörungen durch Dritte (1981).

Немецкая правовая доктрина делит дела, связанные с экономическим ущербом, на несколько групп:

- «кабельные» дела (о них уже упоминалось выше);
- дела, связанные с возникновением по вине ответчика невозможности использования чего-либо (например, когда в результате аварии на борту танкера, стоящего в порту, прекращает работу и несет убытки оператор порта (истец), или когда работы по ликвидации последствий обрушения береговой части канала приводят к тому, что становится невозможным пользоваться лодками или другими плавсредствами)¹⁰²;
- дела, связанные с причинением вреда товару (включают в себя и случаи самоповреждения вещи и повреждение недвижимости);
- дела, связанные с экономическим вредом в результате непредумышленного искажения данных (например, когда нотариус или адвокат были небрежны при оформлении наследства и потенциальный наследник лишился права на наследство)¹⁰³;
- экономический ущерб, возмещение которого связано с конкуренцией деликтного и договорного права.

Термин «иные права» очень общий и дает возможность судам толковать его широко. В то же время, существует общее понимание того, что права и интересы, охватываемые этим выражением, должны представлять собой абсолютные права, то есть права, которые могут принадлежать, а также могут касаться неограниченному кругу лиц¹⁰⁴.

Ранее уже шла речь о том, как право владения может, при определенных обстоятельствах, быть защищено (в некоторых случаях даже в споре с собственником имущества) с помощью ч. 1 § 823 ГГУ¹⁰⁵. То же можно сказать и таких правах, как сервитут (Dienstsbarkeit), залог (Sachpfandrecht) и ипотеке (Hypothek). Другими примерами таких прав являются патенты, интеллектуальные права, права на торговый знак, фирменное наименование (для юридических лиц), имя собственное (для физических лиц), право на изображение (фотографию) человека (Recht am eigenen Bilde).

Некоторые права не подпадают под категорию «иных». Так Федеральный суд по рассмотрению трудовых споров Германии (Bundesarbeitsgericht) в своем решении от 04 июня 1998 года (NJW 1999, 164) отказался признать право на трудоустройство». Права, возникающие в силу договора и «обещанные» одной стороной договора другой стороне, так же не охватываются понятием «иные права». Невыполнение договорных обязательств,

¹⁰² BGHZ 55, 153; BGH NJW 1977, 2264.

¹⁰³ BGH, 19 января 1977, NJW 1977, 2073 = VersR 1977, 638

¹⁰⁴ Markesinis B.S., Unberath H. The German Law of Torts: A Comparative Treatise. Hart Publishing, 2002. P. 69.

¹⁰⁵ BGH 13 июля 1976, VersR 1976, 943; BGH 18 ноября 1980, VersR 1981, 161.

не связанных с деликтом (например, невозврат долга), так же не подпадает под «купол» деликтного права. Однако, если одновременно нарушаются условия договора и возникает деликт, истец получает свободу выбора наиболее предпочтительного для него варианта обращения в суд за компенсацией. Тем более, что немецкое право, в отличие от французского, игнорирует правило, запрещающее конкуренцию таких требований¹⁰⁶. Если лицо понуждает другое лицо нарушить договорные обязательства последнего перед третьей стороной, то это лицо не будет отвечать по ч. 1 § 823 ГГУ перед потерпевшим экономический ущерб субъектом. Однако, он может быть, при соблюдении всех необходимых условий, привлечен к ответственности в соответствии с § 826 ГГУ.

«Иные» права, о которых идет речь в ч. 1 § 823 ГГУ, можно условно разделить на три группы:

- семейные права;
- права, связанные с учреждением и управлением бизнесом;
- права лица, связанные с его личностью и частной жизнью.

2.3 Поименованные деликты в немецком праве

Помимо норм ГГУ, о которых шла речь выше, и которые составляют часть немецкого деликтного права, наиболее приближенную к конструкции генерального деликта, составители немецкого Гражданского кодекса считали необходимым предусмотреть и специальные случаи наступления деликтной ответственности.

В число конкретных деликтных составов, предусматриваемых в ГГУ, входят: распространение сведений, ставящих под угрозу кредитоспособность (§ 824, Kreditgefährdung), принуждение к внебрачной половой связи (§ 825, Bestimmung zur Bejwohnung), совместное совершение недозволенных действий (§ 830, Mittäter und Beteiligte).

Деликтная ответственность, кроме того, предусмотрена нормами ГГУ за вред, причиненный недееспособными лицами. Она возлагается на тех, кто обязан осуществлять надзор за такими лицами (§ 832, Haftung des Aufsichtspflichtigen). Предусматривается также ответственность в случае причинения вреда нарушением служебных обязанностей (§ 839, Haftung bei Amtspflichtverletzung). Также владельцы животного, которое причинило физический вред жизни и здоровью человека либо материальный вред имуществу, обязываются к его возмещению (§ 833, Haftung des Tierhalters). Деликтным обязательствам относится возмещение вреда, вызванного обвалом строений или иных сооружений. Обязанность возмещения такого вреда возлагается на владельцев тех земельных участков,

¹⁰⁶ RGZ 88, 433, 4345; BGHZ 55, 392, 395.

на которых расположено обвалившееся строение или сооружение (§ 836, Haftung bei Einsturz eines Bauwerkes).

2.3 Формы деликтной ответственности в немецком праве

Говоря о законодательстве Федеративной Республики Германии (ФРГ), регулирующем отношения, порождаемые деликтом, нельзя не вспомнить, как оно развивалось в исторической ретроспективе.

Традиционное немецкое право (Gemeine Recht) впитало в себя традиции Римского, а затем и средневекового права. Прусское земское уложение (The Allgemeines Landrecht für die Preußischen Staaten) – закон, принятый в 1794 году, содержал нормы, в том числе, посвященные деликтной ответственности. Общее правило, применяемое в этот исторический период к деликтам, состояло в том, что пострадавшая сторона получала возмещение за причиненный вред только в том случае, если сторона, причинившая вред, действовала преднамеренно или, по крайней мере, халатно. При этом бремя доказывания вины причинителя вреда лежало на потерпевшей стороне, которая должна была представить суду неопровержимые доказательства факта причинения конкретным лицом вреда.

В то же время, закон предусматривал ряд исключений из общих правил. Их суть сводилась к возможности применения по отдельным категориям дел о возмещении вреда, причиненного вне договорных отношений, порядка и процедур строгой ответственности. Так землевладельцы, извозчики и владельцы барж несли ответственность за любой ущерб, причиненный их деятельностью независимо от вины. Так же они несли ответственность за любой вред, причиненный их работниками. Избежать ответственности можно было только в случае, если неблагоприятные последствия были следствием «Божественного промысла».

Кардинальные изменения в «традиционном» подходе наметились с появлением в Германии в первой половине XIX в. железных дорог. В 1838 году был принят Прусский закон о железных дорогах (Preußische Eisenbahngesetz). В указанном законе содержались нормы, регулирующие строгую ответственность в случае происшествий на железной дороге. Такой подход законодателя шел в разрез с сложившейся до этого практикой привлечения к ответственности при наличии доказательств халатности.

Закономерным этапом развития подхода немецкого права к вопросам деликтной ответственности стало принятие ГГУ (Bürgerliches Gesetzbuch (BGB)). Этот нормативный правовой законодательный акт вообрал в себя лучшие традиции римского и германского права.

ГГУ и в особенности его нормы, регламентирующие вопросы деликтной ответственности, развиваются и совершенствуются под влиянием политических, социальных и др. изменений, происходившие в Германии¹⁰⁷. Условия правового развития в Германской империи в конце XIX в. породили закон, который пережил Веймарскую республику, нацистский режим, западногерманский «социальный» капитализм, восточногерманский «реальный» социализм, и дожил до объединенной Германии после падения берлинской стены. Тридцать один параграф – часть ГГУ, посвященная деликтам, осталась неизменной с момента принятия ГГУ и была незначительно изменена лишь в 2002 году¹⁰⁸.

Необходимо отметить, что создатели ГГУ прошли непростой путь и создали во многом уникальную систему деликтов, которая впоследствии стала именоваться «немецкой». На рубеже XIX и XX веков, все четче вырисовывалось несовершенство системы, пришедшей из римского права, предусматривающей отдельные виды деликтов. Очевидным вариантом решения проблемы многие считали необходимость взять за основу для положений нового закона французский опыт. Предполагалось ввести конструкцию генерального деликта. Прогрессивный Французский гражданский кодекс 1804 г., содержал именно такой подход к проблеме. Особую актуальность такому варианту решения проблемы придавал и тот факт, что конструкция генерального деликта, в то время, не была чужда многим областям самой Германии.

В итоге, разработчики ГГУ предусмотрели «гибридную» деликтную конструкцию, сочетающую в себе как общие положения о деликте, так и ряд отдельных составов, посвященных деликтной ответственности¹⁰⁹.

В развитие положений ГГУ, в Германии был принят также ряд специальных законов, регламентирующих ответственность за вред, причиненный в различных областях человеческой деятельности. Автотранспорт, воздухоплавание, атомная энергетика, и прочее – области, в которых присутствуют специальные нормы, посвященные деликтной ответственности.

Законодательство ФРГ в целом, а также в части нормативно-правового регулирования деликтной ответственности, является примером развитого и прогрессивного подхода законодателя. Сочетая в себе консерватизм и традицию с актуальностью и гибкостью, немецкое законодательство о деликтах в совокупности с правоприменительной практикой можно рассматривать как пример успешного симбиоза, целью которого является

¹⁰⁷ Jörg Fedtke, 'The Culture of German Tort Law' (2012) 3 Journal of European Tort Law, p. 183-209.

¹⁰⁸ Fedtke, J. The Reform of German Tort Law (2003) 4 European Review of Private Law (ERPL) P. 485.

¹⁰⁹ The German Law of Torts: A Comparative Treatise, Hart Publishing; 4 Rev Ed edition (10 Jun. 2002), p. 8.

устранение неблагоприятных последствий деликта и полное возмещение убытков причиненных пострадавшей стороне, восстановление социальной справедливости.

Представляется, что опыт, накопленный немецким законодателем, может и должен использоваться в процессе реформы российского гражданского законодательства в силу близости подходов и исторического развития этой области нормативно-правового регулирования.

2.4 Деликтно-правовая защита семейных отношений

Совокупность прав, составляющих семейный статус лиц, защищается частью I § 823 ГГУ. Например, родительские права лица. Так, если в процессе развода отец ребенка лишается родительских прав и при этом отказывается передать ребенка на воспитание матери, он может быть привлечен к ответственности по § 823 ГГУ¹¹⁰. Но есть ли у супругов абсолютные права *ergo omnes* требовать от третьих лиц уважения их брачного союза? В некоторых своих решениях Верховный суд Германии дает положительный ответ на этот вопрос¹¹¹, в то время как отношение Верховного суда к этому вопросу в целом можно назвать отрицательным.

В случаях, когда в брак вторгается постороннее лицо (*Ehestorer*) оно, например, не несет деликтную ответственность перед супругом неверной жены (которая, впрочем, так же не отвечает перед своим мужем), за фактическое разрушение брака и причиненные мужу убытки (расходы, связанные с разводом и пр.)¹¹².

В своих решениях Верховный суд Германии указывал, что деликтное право не должно применяться для отношений между двумя супругами. Указанные отношения регулируются положениями ГГУ, относящимися к семейному праву. Так же и третьи лица не должны нести ответственность в случае, если в результате их вмешательства разрушается брачный союз, поскольку супружеская верность – это дело, исключительно самих супругов. Отметим, что с таким подходом, в современной Германии согласны не все юристы¹¹³.

¹¹⁰ RGZ 141, 319.

¹¹¹ BGHZ 6, 630.

¹¹² BGHZ 23, 279.

¹¹³ Von Hippel, «Schadensersatz bei Ehestörung», NJW 1965, 664; Rieger, «Grenzen des Schutzes des räumlichgegenständlichen Bereichs der Ehe», NJW 1989, 2798.

2.5 Деликтно-правовая защита права на учреждение и управление бизнесом

Впервые это право было сформулировано немецкими судьями в 1966 году¹¹⁴. С тех пор это право последовательно трансформировалось в некий общий принцип, призванный защищать предпринимателей от разного рода злоупотреблений третьих лиц, в том числе при наличии стороннего экономического интереса. Под защиту попадают разнообразные аспекты предпринимательской деятельности: сделки, клиенты, коммерческие права, права, не защищенные патентами и авторскими правами и т.п. Основной проблемой в этой области можно признать сложность и, одновременно, острую необходимость установления четких границ ответственности. Эта необходимость продиктована природой отношений в сфере предпринимательской деятельности, свободой рыночных отношений, которые строятся на конкуренции.

Развитие права на учреждение и управление бизнесом началось в период, когда суды в Германии осознали, что защита, обеспечиваемая ГГУ в делах, связанных с экономическим ущербом, крайне ограничена. Так, § 826 ГГУ касается только преднамеренных противоправных деяний, а §824 ГГУ защищает в случае предоставления ложной информации, с последствиями в виде финансовых потерь истца.

На первоначальном этапе развития права на учреждение и управление бизнесом, большинство дел, с которыми сталкивались суды, было связано с деятельностью конкурирующих субъектов на рынке. Например, ответчик предоставлял истцу недостоверную информацию о том, что он якобы обладает патентом или иным охраняемым правом, которые истец использует в своей коммерческой деятельности. Истец, узнав от ответчика об этом, вынужден был прекратить свою деятельность и, как следствие, понес экономические убытки. В дальнейшем истцу становится известно о недостоверности информации, полученной от ответчика, и он обращается в суд с требованием о компенсации убытков. Такой способ защиты предпринимательской деятельности доступен по праву Германии только коммерческим организациям.

Не обошлось и без критики этого права, а сомнения в необходимости его защиты возникали, в том числе, и в следствие того, что оно использовалось при разрешении дел, в которых затрагивались и другие проблемные области права (например, свобода самовыражения). Постепенно, сфера действия указанного права расширялась, и оно уже могло защитить предпринимателей, например, от критики со стороны третьих лиц, которая неблагоприятно сказывалась на бизнесе, в ситуации, когда не действовали положения §§

¹¹⁴ BGH 21 июня 1966, BGHZ 45, 307.

824 и 826 ГГУ. В качестве примера, можно привести случаи организации бойкота бизнеса, принадлежащего истцу, или распространение хотя и достоверной информации о бизнесе истца, но в ситуации, когда ответчик заранее знал, что распространение этой информации причинит существенный вред истцу и у ответчика нет и не могло быть какого-либо законного интереса и права делать это¹¹⁵. Очевидно, что в таких делах возникает опасность ограничения свободы слова и насущна необходимость строгого соблюдения баланса между «конкурирующими» правами и интересами.

Любой случай нарушение права на учреждение и управление бизнесом не может автоматически признаваться противоправным, как, например, происходит, когда речь идет о причинении вреда здоровью или собственности. Не любой призыв к экономическому бойкоту будет достоин порицания. Мотив лица, призывающего к бойкоту, может помочь ему избежать порицания и защитить право свободно выражать свое мнение¹¹⁶. Судами также очерчены и границы такого «иммунитета»¹¹⁷.

В известном деле «Blinkfuer», которое разрешалось в судах в разгар «холодной войны», вскоре после возведения Берлинской стены. Известный издательский дом Axel Springer group направил своим дистрибьюторам письменную инструкцию, в которой в ультимативном тоне рекомендовал им не иметь дело с печатными изданиями, в которых размещалась информация о программе телепередач в ГДР. Условие было сформулировано жестко – представитель издательского дома, который не выполнит указание, будет лишен возможности реализовывать продукцию Axel Springer group. Инструкция была направлена, в первую очередь, против небольшого лево-ориентированного издания Blinkfuer, которое не замедлило обратиться в суд с иском к Axel Springer group, основывая свои требования, на первой части § 823 ГГУ. Истец утверждал, что призыв к бойкоту является противоправным деянием, поскольку противоречит положениям законодательства, которые защищают право истца на учреждение и управление бизнесом, а также, что в результате бойкота продажи истца снизились на 10 %. Ответчик заявил в суде, что призыв к бойкоту не имеет отношения к положениям ГГУ, а представляет собой конституционное право ответчика. В итоге суд принял во внимание экономическую мощь издательства Аксель Шпрингер SE (Axel Springer SE) и его власть над дистрибьюторами, а также угрожающий тон разосланной инструкции и признал такой призыв к бойкоту корыстным действием, не подлежащим защите законом. Однако Конституционный суд Германии в своем решении, в особом мнении, указал, что в соответствии с Конституцией, мотивы, которые движут

¹¹⁵ BGH NJW 1999, 279.

¹¹⁶ BVerfGE 7, 212 от 15 января 1958 г.

¹¹⁷ BVerfGE 25, 256, 26 февраля 1969 г.

лицом, призывающим к бойкоту, имеют значение и могут быть признаны обоснованными и разумными. Итог мог бы быть другим, если бы, например, издательство призывало своих читателей к бойкоту вместо того что бы использовать экономическую зависимость дистрибьюторов в целях бойкота.

Суды стремятся ограничить пределы защиты рассматриваемого права в целях недопущения правового беспредела. В этих целях ими сформулирован признак, только при наличии которого возможна результативная судебная защита права – нарушение права должно быть непосредственным. При этом для судов имеет принципиальное значение факт того, что действия ответчика в отношении права истца связаны с предпринимательской деятельностью. Это означает, что действия ответчика должны, хотя бы в части, быть направлены против бизнеса, а не просто затрагивать права и интересы, которые не имеют отношения к предпринимательской деятельности истца ¹¹⁸.

2.6 Возмещение вреда, причиненного недостатками товаров, по немецкому праву

Данная разновидность деликтов была воспринята немецким правом, вслед за активным ее распространением в США. На сегодняшний день, эта область деликтного права Германии достаточно подробно освещена в немецкой юридической литературе и накопился существенный пласт судебной практики по делам о возмещении вреда, причиненного недостатками товаров ¹¹⁹.

В то же время, говорить о появлении в праве Германии этой области деликтного права можно только с конца 60-х годов двадцатого столетия. Например, в 1956 году немецкий Верховный суд рассмотрел дело, в котором истец заявил, что из-за внезапной поломки его велосипеда он получил травму. Инцидент произошел вследствие дефектов конкретного товара (велосипеда). Суд постановил, что подобные дефекты в изделиях такого рода неизбежны. С точки зрения суда, это событие – одна из тех несчастливых случайностей, которые могут происходить в жизни, их нельзя предусмотреть, а потому они не нарушают прав истца.

¹¹⁸ Подробнее см.: Suppes, Die Rechtsprechung des BGH zum Recht am eingerichteten und ausgeübten Gewerbebetrieb (1965).

¹¹⁹ Bruggemeier, “Produzentenhaftung”, WM 1982, 1294; Buchner, “Neuorientierung des Produkthaftungsrechts. Auswirkungen der EG-Richtlinie auf das deutsche Recht”, DB (1988) 32; von Caemmerer, “Products liability” in Ius Privatum Gentium, Festschrift Max Rheinstein (1966) 659 ff; Kullmann, “Die Rechtsprechung des BGH zum Produkthaftpflichtrecht”, NJW 1996, 16, NJW, 1997, 1764; NJW 1996, 96, NJW 2000, 1912.

Изначально немецкие юристы настороженно следили за стремительным развитием этой области права в США и Великобритании. В то же время, внимание практикующих юристов к проблеме привлек ряд публикаций в специальной литературе¹²⁰.

В 60-х-70-х годах двадцатого века Германию потряс ряд резонансных судебных дел, связанных с попытками привлечь к ответственности производителей некачественных товаров. Череда этих событий привела к повышению общественного внимания к проблеме правового регулирования ответственности производителей товаров в случае причинения их изделиями и другой продукцией вреда потребителям. Дефекты в автомобилях, массовые отзывы выпущенной продукции, трагические случаи, связанные с талидомидом - все это подтолкнуло развитие нормативного регулирования в области немецкого деликтного права¹²¹.

Традиционно под вредом, причиненным недостатками товара, подразумевают причинение вреда некачественной вещью здоровью физических лиц или чьему-либо имуществу. В то же время вред, причиненный самой вещи, которая содержит недостатки, не охватывается этим понятием. Затруднительно провести четкую границу и поделить все случаи, связанные с недостатками товаров на определенные группы. Весьма спорна и зыбка граница между причинением вреда имуществу и экономическим ущербом – упущенной выгодой. Возможны ситуации, когда, например, некачественный продукт самоповреждается или какая-либо некачественная деталь товара, воздействуя на сам товар, постепенно причиняет ему вред или уменьшает его стоимость.

Важно отметить, что Германское гражданское уложение (The Bürgerliches Gesetzbuch (BGB, далее - ГГУ) содержит несколько важнейших норм, регулирующих отношения, возникающие из внедоговорного причинения вреда, или деликта. При этом § 823 ГГУ, посвященная ответственности за вред, причиненный жизни, здоровью, имуществу и правам, не применяется немецкими судами в отношении упущенной выгоды. Подтверждением этому могут служить некоторые решения Верховного суда Германии (Bundesgerichtshof)¹²².

Так, в 1963 году, рассмотрев два дела, связанных с небрежным надзором за строительством домов, приведшим к потере стоимости зданий (экономический ущерб), а не к ущербу здоровью или иному имуществу каких-либо лиц, Верховный суд однозначно

¹²⁰ Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBl. I S. 42, 2909); 2003 I S. 738.

¹²¹ Maitland F. W., The Collected Papers of Frederic William Maitland. Vol. 3. Herbert Albert Laurens Fisher, 1911. P. 90.

¹²² Gesetz über technische Arbeitsmittel (Maschinenschutzgesetz). Vom 24. June 1968. (Bundesgesetzblatt T. 1. Seite 717) Mit Nebenbestimmungen.

выразил свою позицию по подобным делам. С точки зрения суда, ситуация, когда кто-либо становится владельцем некачественного объекта недвижимости, не равнозначна случаям причинения вреда имуществу, уже принадлежащему владельцу, а, следовательно, деликтные положения норм ГГУ не применимы в подобных случаях. Такой подход стал следствием представления судов о том, что потенциальная возможность применения положений о деликтной ответственности преимущественно по отношению к договорной ответственности может привести к непредсказуемым последствиям. Кроме того, конструкция договорной ответственности позволяет более полно и справедливо распределить возможные риски, а обращения истцов к производителям с подобными исками (вытекающими из деликта) могут стать причиной возникновения неконтролируемых экономических и страховых последствий.

Несмотря на однозначную позицию германского правосудия, в отношении нераспространения деликтной ответственности на случаи причинения вреда самому товару, когда речь идет о недвижимом имуществе, следует отметить иной подход судов к ситуации, когда вред причиняется движимому имуществу. Примером положительных решений, связанных с применением деликтной ответственности, в подобных случаях может служить целый ряд дел, рассмотренных во второй половине XX столетия Верховным судом Германии¹²³.

Нельзя не отметить и тот факт, что в процессе развития деликтного права в Германии, долгое время не прекращался спор о том, какую ответственность применять в отношении производителя некачественного товара – договорную или деликтную? В качестве аргументов в пользу применения договорной ответственности приводятся следующие доводы:

- по аналогии к делам о привлечении к ответственности производителя применимы положения § 282 ГГУ о бремени доказывания вины, которое лежит на ответчике (т.е. на производителя некачественного товара). В то же время истец должен доказать, что ответчик или его представители не организовали надлежащим образом процесс производства и не предприняли должных мер для своевременного обнаружения дефекта товара;

- § 831 ГГУ содержит норму, ограничивающую ответственность производителя за вред, причиненный его товаром, в случае, если вред причинен по вине сотрудника, работающего у производителя. Так, работодатель может избежать ответственности, если докажет, что он разумно подходил к выбору сотрудника, обеспечивал необходимые

¹²³ Op. cit.

условия труда и обеспечивал процесс изготовления всем необходимым и качественным оборудованием. В то же время, в соответствии с общими положениями о договорах, закрепленными в § 278 ГГУ, должник несет всю ответственность за действия или бездействие своих сотрудников;

- к искам о привлечении к деликтной ответственности применяется срок исковой давности 3 года, а договором может быть установлен и больший срок.

В то же время, очевидными являются проблемы, связанные с договорной ответственностью. Например, каким образом защитить с помощью данного института случайного прохожего, пострадавшего в результате взрыва колеса проезжающего мимо автомобиля? Другими словами, очевидной является проблема определения круга лиц, на которых распространяется «защита», содержащаяся в договоре.

В первую очередь, по этой причине германские суды отвергли теории, разработанные немецкими юристами и обосновывающие целесообразность применения договорной ответственности в случае причинения вреда некачественными товарами. В то же время, положения ГГУ о деликте (в первую очередь, § 823) позволяют обеспечить защиту интересов неограниченного круга лиц.

Сознавая тот факт, что договорные конструкции исчерпали себя в данной области, суды окончательно отказались от них в пользу деликта.

В итоге немецкие суды, вынося решения в пользу истцов, используют в качестве основания § 823 ГГУ. При этом в большинстве дел суды сами определяют круг тех обязанностей, которые лежат на конкретном производителе в процессе производства товара. В некоторых случаях обязанности производителя в отношении производственного процесса регулируются специальными законами.

Так, Закон о защите техники (Maschinenschutzgesetz) от 24 июня 1968 года распространяет на широкий круг производителей и дистрибьюторов разнообразной техники положения об ответственности за вред, причиненный здоровью любого лица, использующего эту технику. Закон о фармацевтике, законодательство, регулирующие производство продуктов питания и лекарственных препаратов, также содержат положения, обязывающие производителей в случаях причинения различного вреда потребителям возмещать его.

Анализ показывает, что особенностью норм, содержащихся в § 823 ГГУ, является то, что они, по сути, обязывают истца доказывать вину ответчика – производителя товара. При этом ответчиком в таких делах является сам производитель, а не члены его органов управления или сотрудники.

Одним из итогов совершенствования подхода немецких судов к проблеме, стало то, что немецкие правоведы классифицировали судебную практику в области ответственности производителя некачественных товаров. Такая ответственность подразделяется на 4 группы:

- за дефекты при производстве товара;
- за дефекты в конструкции товара;
- за ошибки в инструкциях и руководствах по эксплуатации;
- за дефекты, которые выявляются лишь по мере развития технологий.

Ответственность производителя за дефекты при производстве товара (Fabrikationsfehler).

Такие дефекты в конкретном товаре, как правило, возникают в результате какой-либо небрежности или невнимательности в процессе производства.

В делах, связанных с причинением вреда в результате использования товаров, содержащих дефекты этого типа, от истца требуется предоставить доказательства того, что причиненный ему вред стал следствием производственного процесса и рисков, с ним связанных, а также очевидного дефекта продукта, который привел к невозможности его эксплуатации. В то же время производитель может избежать ответственности, доказав, что дефект возник после того как товар покинул «зону ответственности» производителя.

Как только истец доказывает в процессе указанные выше обстоятельства, бремя доказывания отсутствия вины переходит на производителя. Теперь производитель некачественного товара должен доказать, что он не нарушил свои обязанности, не был небрежен и непредусмотрителен, а его сотрудники в одинаковой степени не виноваты в произошедшем. При этом производитель товара обязан, в случае, если процесс производства не полностью автоматизирован, назвать каждого участника, вовлеченного в производственный процесс, и доказать его невиновность. Таким образом, практика рассмотрения подобных споров демонстрирует предельно жесткий подход судов к производителю товаров, крайне затрудняющий уход последнего от ответственности.

Ответственность производителя за вред, причиненный в результате дефекта конструкции товара (Konstruktionsfehler). В ходе такого дела истец должен доказать, что в конструкции товара был дефект, а также то, что дефект конструкции создает неразумно высокий риск причинения вреда истцу и/или третьим лицам. Суд, оценивая обстоятельства дела, будет учитывать различные факторы. Среди них такие, как условия эксплуатации товара, кем является среднестатистический пользователь таким товаром, какие риски связаны с использованием этого товара и т.п.

Ответственность производителя распространяется также на случаи неправильного использования товара потребителем, если производитель должен был предвидеть это. Суд может, рассматривая дело, изучить экономическую целесообразность использования альтернативной конструкции товара и определить, в какой мере могли бы быть снижены риски причинения вреда в таком случае.

В ФРГ специальным законодательством устанавливаются разнообразные административные регламенты, относящиеся к конкретным товарам. Например, *Gerätesicherheitsgesetz* – Закон о безопасности технического оборудования от 24 июня 1968 года - закрепляет нормы, согласно которым техническое оборудование (термин, включающий в себя заводское оборудование, спортивный инвентарь, бытовые приборы, устройства, обеспечивающие безопасность, игрушки и прочее) должно соответствовать определенным стандартам для того чтобы продаваться в ФРГ.

Также в законе содержатся общепринятые технические принципы и правила, в разработке которых учувствуют ведущие институты (*Deutsches Institut für Normung (DIN)*, *Technischer Überwachungs-Verein (TUV)* и др.). Соответствие производственного процесса и конструкции товара указанным правилам призвано гарантировать судебную защиту прав производителя товара

Ответственность производителя за ошибки в инструкциях и руководствах по эксплуатации (*Instruktionsfehler*).

Обязанность предоставить потребителю корректные инструкции возникает у производителя, как только товар попадает в обращение. При этом производитель обязан следить за разработками в различных областях, связанных с изготавливаемым им товаром, и корректировать инструкции по мере необходимости.

С ростом числа подобных дел, суды выработали ряд подходов к их решению. Например, Верховный суд постановил, что обязанность предоставлять потребителю информацию связана с тем, каким образом предполагается использовать продукт. Производитель не обязан предоставлять потребителю информацию о рисках, которые могут возникнуть в связи с нецелевым использованием товара. Информационные таблички на продуктах должны предоставлять потребителям исчерпывающую информацию об опасности, которую несет продукт. Если причиненный вред здоровью возник вследствие нецелевого использования товара, потребитель должен быть проинформирован через предупреждающие таблички о причинах потенциальной опасности.

Ответственность производителя за вред, причиненный вследствие дефектов, которые выявляются с развитием технологий (*Entwicklungsfehler*).

Общим в таких делах является то, что продукт производится в соответствии с технологическим уровнем и знаниями своего времени, но в последующем появляется информация о потенциальном вреде, который он может причинить.

Некоторые ученые считают, что возложение на производителя ответственности за подобные риски не рационально и может стать препятствием в научном прогрессе. Ведь фактически производитель товара лишен возможности предвидеть все риски и избежать их. Ответственность за вред, причиненный в таких случаях, не применяется в немецком праве к производителям товаров, за исключением фармацевтических компаний. При этом производители не освобождены от обязанности предупреждать потребителей об обнаруженных рисках или от обязанности отозвать уже выпущенный в продажу товар. Закон о лекарственных препаратах (1976) содержит исключение из общего правила. Это исключение связано с тем, что производитель лекарственных препаратов, которые применяются людьми, может нести ответственность и за вред, который причинен в результате применения лекарства, даже если на момент выпуска препарата не было известно о его негативных эффектах. Впрочем, законом размер ответственности производителя для таких случаев ограничивается.

2.7 Деликтно-правовая защита права на имя и неприкосновенность частной жизни.

В Германии первые попытки выделения права неприкосновенность частной жизни предпринимались учеными во второй половине XIX века¹²⁴. Положения Гражданского кодекса Саксонии 1863 г. Позволили судам присуждать компенсации убытков в делах, связанных с распространением недостоверной информации о частной жизни, бизнесе и других отношениях. В то же время, в обществе и в академической среде господствовала точка зрения, в соответствии с которой, такие понятия как честь, репутация и подобные им частные интересы не должны защищаться законом в равной степени с собственностью и другими материальными интересами¹²⁵.

Объективно, условия жизни в конце девятнадцатого столетия в Германии не способствовали развитию защитных механизмов в области нематериальных прав. Только после окончания Второй Мировой Войны началось постепенное развитие права в этом направлении. Толчком поступило появление Билля о правах, выраженного в первых двадцати статьях Бонской Конституции 1949 года.

¹²⁴ Thus, Kohler «Das Recht an Briefen», Archiv für bürgerliches Recht VII, 94; Gierke, Deutsches Privatrecht I, 707, III, 887.

¹²⁵ Protokolle der Kommission für die Zweite Lesung des Entwurfs des Bürgerlichen Gesetzbuchs, vol. I (1897), pp. 622-623.

На сегодняшний день, юридически сформированное общее право на имя защищает физических и юридических лиц¹²⁶. В немецком праве убытки, рассчитанные на компенсационной или реституционной основе, либо так называемый судебный запрет (Unterlassungsanspruch) возмещаются и применяется, соответственно, при разнообразных случаях нарушения личных неимущественных прав:

- присвоение чужого образа или имени (BGH, 14 февраля 1958 года, BGHZ 26, 349);
- незаконное разглашение медицинских данных застрахованного лица (BGH, 2 апреля 1957 года, BGHZ 24, 72);
- шпионаж за соседями (OLG Köln 15 октября 1988 года, NJW 1989, 720);
- чрезмерное публичное распространение информации о готовящемся бракоразводном процессе члена аристократической семьи (OLG Hamburg, 26 марта 1970 года, NJW 1970, 1325);
- незаконное извлечение органов умершего без разрешения родственников (LG Bonn, 25 февраля 1970 года, JZ 1971, 56);
- право на самоопределение сексуальной ориентации, включая право транссексуала на изменение информации о половой принадлежности в свидетельстве о рождении (1st Division of the Constitutional Court, 16 марта 1982 года, BVerfGE 60, 123);
- публикация незаконно добытой стенограммы телефонного разговора двух политиков (BGH 19 декабря 1978 года, BGHZ 73, 120);
- подделка автографа известного немецкого художника на картине (BGH 8 июня 1989 года, BGHZ 107, 384);
- вскрытие чужой запечатанной корреспонденции без разрешения (BGH 20 февраля 1990, VersR 1990, 531);
- имитация голоса умершего актера в целях рекламы без разрешения его наследников (OLG Hamburg 8 мая 1989 года, NJW 1990, 1995);
- фотосъемка публичного лица в публичном месте (BGH 19 декабря 1995 года, BGHZ 131, 332 = NJW 1996, 1128). В этом деле суд акцентировал внимание на том, что у ответчика были исключительно корыстные мотивы при фотосъемке принца.

Интересными представляются дела, связанные с публикацией частной переписки без разрешения. Одним из первых было дело, рассмотренное Имперским судом, по делу наследников Ницше, которые намеревались предотвратить публикацию писем философа наследниками адресата этих писем. Суд постановил, что право собственности на письма

¹²⁶ Palandt, BGB - 60th Ed. (2001) §823 BGB, p. 181.

перешло к наследникам адресата, но если письма рассматривать как результат творчества, то они подпадают под защиту авторского права¹²⁷.

С развитием права на неприкосновенность частной жизни возникали все более сложные проблемы. Так, немецкие суды столкнулись с необходимостью баланса между соблюдением принципа свободы прессы, гарантированного пятой статьей Конституции и правом быть защищенным от часто безответственных СМИ. Общего правила о том, где должна быть проведена эта граница не существует. В каждом конкретном случае это зависит от множества обстоятельств.

Чем активнее выступает лицо на публике, тем сложнее ему будет защитить неприкосновенность своей частной жизни¹²⁸.

Суды в Германии при рассмотрении таких дел исследуют несколько факторов:

- мотив лица, опубликовавшего информацию (BVerfGE 7, 198; BVerfGE 25, 256). В этом случае, если суд выяснит, что нарушение права было следствием исключительно корыстного мотива, то есть было продиктовано желанием обогатиться за счет истца, то убытки должны быть возмещены¹²⁹. Такое возмещение убытков, являющееся по сути наказанием, вызвало немало негативных отзывов в академической среде¹³⁰;

- общественное значение информации. Выясняется вызвала ли она общественный резонанс или просто принесла прибыль лицу, ее озвучившему¹³¹;

- способ, которым была добыта информация о истце – законно или нет¹³²;

- степень распространения информации¹³³;

- степень достоверности информации – была сфабрикована МИ или была достоверной¹³⁴;

- степень ограничений, которые истец хочет применить в отношении прав ответчика (в случае их чрезмерности суд может их не применить или ограничить)¹³⁵.

2.8 Распространение сведений, ставящих под угрозу кредитоспособность

Защита экономических и деловых интересов, репутации лиц возможна в праве Германии при помощи норм, содержащихся в § 824 ГГУ:

¹²⁷ RGZ 69, 401.

¹²⁸ BGHZ 36, 77, 80; BGH NJW 1964, 1471.

¹²⁹ BGH 19 сентября 1961, BGHZ 35, 363, 369; BGH 15 ноября 1994, BGHZ 128, 14-16).

¹³⁰ Stoll, Haftungsfolgen im bürgerlichen Recht (1993), 57-67; 79-82; 210; Rosengarten, «Der Präventionsgedanke im Zivilrecht», NJW 1996, 1935-1938.

¹³¹ BVerfGE 7, 198, 219; BGH 12 октября 1993, NJW 1994, 124.

¹³² BVerfGE 66, 116 (1984), BGH 19 декабря 1995, BGHZ 131, 332; OLG Hamburg, 25 июля 1996, NJW 1996, 2870.

¹³³ BVerfGE 35, 202; OLG Saarbrücken, NJW 1997, 1376, 1379.

¹³⁴ BVerfGE 34 269 (1973); BVerfGE 54, 208 (1980); BGHZ 128, 1.

¹³⁵ BVerfGE 42, 143 (1976).

1. Лицо, которое заявляет или распространяет не соответствующие действительности сведения, подрывающие кредитоспособность другого лица либо наносящие иной вред его предпринимательской деятельности или источнику средств к существованию, обязано возместить ему причиненный этим вред также и в том случае, если оно хотя и не знало, но должно было знать о ложности распространяемых сведений.

2. Лицо, сообщившее сведения, не зная об их ложности, не обязано возмещать вред, если оно само или адресат его сообщения были правомерно заинтересованы в получении такого сообщения.

Умышленный ущерб кредитоспособности другого лица может также подпадать под защиту ч. 2 § 823 ГГУ в случаях, если нарушаются нормы законодательства, например, статей 186 и 187 Уголовного кодекса Германии. Они своей целью имеют предотвращение распространения ложной информации. Или в соответствии с ч. 1 § 823 ГГУ это возможно в случаях, когда право на неприкосновенность личной жизни или право на свободу предпринимательской деятельности нарушены. Кроме того, распространение ложной информации, при некоторых обстоятельствах, считается противоречащим высокой нравственности и поэтому запрещаться и защищается § 826 ГГУ.

Несмотря на то, что § 824 ГГУ защищает от распространения сведений, ставящих под угрозу кредитоспособность, недостаточно просто показать, что указанные сведения наносят ущерб кредитоспособности истца. Распространенная информация, должна иметь отношение непосредственно к истцу или быть тесно связана с его профессиональной деятельностью или деловой активностью. Недостаточно того, что истец осуществляет деятельность, которую ответчик резко подверг критике.

Так, в одном случае статья в газете поставила вопрос, о том подходят ли электронные органы для использования в церквях и могли ли бы они заменить классические органы¹³⁶. Истец - фирма, которая производила электронные органы, жаловался, что статья в газете подвергла опасности его кредитоспособность. Истец ни в коем случае не был целью написания статьи, кроме того, истец не был известен ответчику. Не могли и читатели связать истца со статьей, так как существовало много других фирм, производящих электронные органы. Суд посчитал, что необходимая связь между информацией, размещенной в газете, и истцом отсутствовала. Поддержки суд тогда противоположную позицию, и любое обсуждение достоинств и недостатков продуктов стало бы рискованным предприятием.

¹³⁶ BGH, NJW 63, 1871.

Положения § 824 ГГУ запрещают распространение заведомо ложной информации о фактах, но не запрещает выражение мнений или оценочных суждений¹³⁷. Выражение собственного мнения может быть охвачено этим параграфом, если оно содержит информацию о фактах, например, комментарии, раскрывающие скрытые торговые операции¹³⁸, или недостоверные отчеты о чьей-либо деятельности¹³⁹, или ремарки о том, что кто-то является ненадежным должником¹⁴⁰.

2.9 Деликтная ответственность за вред, причиненный дефектами товара

Данная разновидность деликтов была воспринята немецким правом, вслед за активным ее распространением в праве США. На сегодняшний день, эта область деликтного права Германии достаточно подробно освещена в немецкой юридической литературе и накопился существенный пласт судебной практики по делам о возмещении вреда, причиненного недостатками товаров¹⁴¹.

В то же время, говорить о появлении в праве Германии этой области деликтного права можно только с конца 60-х годов двадцатого столетия. Например, в 1956 году немецкий Верховный суд рассмотрел дело, в котором истец заявил, что из-за внезапной поломки его велосипеда он получил травму. Инцидент произошел вследствие дефектов конкретного товара (велосипеда). Суд постановил, что подобные дефекты в изделиях такого рода неизбежны. С точки зрения суда, это событие – одна из тех несчастливых случайностей, которые могут происходить в жизни, их нельзя предусмотреть, а потому они не нарушают прав истца.

Изначально немецкие юристы настороженно следили за стремительным развитием этой области в праве США и Великобритании. В то же время, внимание практикующих юристов к проблеме привлек ряд публикаций в специальной литературе¹⁴².

В 60-х-70-х годах двадцатого века Германию потряс ряд резонансных судебных дел, связанных с попытками привлечь к ответственности производителей некачественных товаров. Череда этих событий привела к повышению общественного внимания к проблеме правового регулирования ответственности производителей товаров в случае причинения их

¹³⁷ RGZ 101, 338; BGH, NJW 65, 36.

¹³⁸ BGH, NJW 51, 352.

¹³⁹ BGH, NJW 66, 2010.

¹⁴⁰ BGH, NJW 53, 297.

¹⁴¹ Bruggemeier, "Produzentenhaftung", WM 1982, 1294; Buchner, "Neuorientierung des Produkthaftungsrechts. Auswirkungen der EG-Richtlinie auf das deutsche Recht", DB (1988) 32; von Caemmerer, "Products liability" in *Ius Privatum Gentium*, Festschrift Max Rheinstein (1966) 659 ff; Kullmann, "Die Rechtsprechung des BGH zum Produkthaftpflichtrecht", NJW 1996, 16, NJW, 1997, 1764; NJW 1996, 96, NJW 2000, 1912. e.t.c.

¹⁴² Lorenz, "Rechtsvergleichendes zur Haftung des Warenherstellers und Lieferanten gegenüber Dritten", Festschrift Nottarp (1961) 59 ff.

изделиями и другой продукцией вреда потребителям. Дефекты в автомобилях, массовые отзывы выпущенной продукции, трагические случаи, связанные с талидомидом - все это подтолкнуло развитие нормативного регулирования в области немецкого деликтного права¹⁴³.

Традиционно под вредом, причиненным недостатками товара, подразумевают причинение вреда некачественной вещью здоровью физических лиц или чьему-либо имуществу. В то же время вред, причиненный самой вещи, которая содержит недостатки, не охватывается этим понятием. Затруднительно провести четкую границу и поделить все случаи, связанные с недостатками товаров на определенные группы. Весьма спорна и зыбка граница между причинением вреда имуществу и экономическим ущербом – упущенной выгодой. Возможны ситуации, когда, например, некачественный продукт самоповреждается или какая-либо некачественная деталь товара, воздействуя на сам товар, постепенно причиняет ему вред или уменьшает его стоимость.

Важно отметить, что Германское гражданское уложение содержит несколько важнейших норм, регулирующих отношения, возникающие из внедоговорного причинения вреда, или деликта¹⁴⁴. При этом, § 823 ГГУ, посвященная ответственности за вред, причиненный жизни, здоровью, имуществу и правам, не применяется немецкими судами в отношении упущенной выгоды. Подтверждением этому могут служить некоторые решения Верховного суда Германии (Bundesgerichtshof)¹⁴⁵.

Так, в 1963 году, рассмотрев два дела, связанных с небрежным надзором за строительством домов, приведшим к потере стоимости зданий (экономический ущерб), а не к ущербу здоровью или иному имуществу каких-либо лиц, Верховный суд однозначно выразил свою позицию по подобным делам. С точки зрения суда, ситуация, когда кто-либо становится владельцем некачественного объекта недвижимости, не равнозначна случаям причинения вреда имуществу, уже принадлежащему владельцу, а, следовательно, деликтные положения норм ГГУ не применимы в подобных случаях. Такой подход стал следствием представления судов о том, что потенциальная возможность применения положений о деликтной ответственности преимущественно по отношению к договорной ответственности может привести к непредсказуемым последствиям. Кроме того, конструкция договорной ответственности позволяет более полно и справедливо

¹⁴³ Markesinis B.S., Unberath H. The German Law of Torts: A Comparative Treatise. Hart Publishing, 2002. P. 90.

¹⁴⁴ Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBl. I S. 42, 2909; 2003 I S. 738), das durch Artikel 1 des Gesetzes vom 21. April 2015 (BGBl. I S. 610).

¹⁴⁵ Bundesgerichtshof 27.05.1963 BGHZ 39, 358 = NJW 1963, 1821=JZ 63, 707. Bundesgerichtshof 30.05.1963 BGHZ 39, 366 = NJW 1963, 1827 = VersR 1963, 933, 1024.

распределить возможные риски, а обращения истцов к производителям с подобными исками (вытекающими из деликта) могут стать причиной возникновения неконтролируемых экономических и страховых последствий.

Несмотря на однозначную позицию германского правосудия, в отношении нераспространения деликтной ответственности на случаи причинения вреда самому товару, когда речь идет о недвижимом имуществе, следует отметить иной подход судов к ситуации, когда вред причиняется движимому имуществу. Примером положительных решений, связанных с применением деликтной ответственности, в подобных случаях может служить целый ряд дел, рассмотренных во второй половине XX столетия Верховным судом Германии¹⁴⁶.

Нельзя не отметить и тот факт, что в процессе развития деликтного права в Германии, долгое время не прекращался спор о том какую ответственность применять в отношении производителя некачественного товара – договорную или деликтную. В качестве аргументов в пользу применения договорной ответственности приводятся следующие доводы:

- по аналогии к делам о привлечении к ответственности производителя применимы положения § 282 ГГУ о бремени доказывания вины, которое лежит на ответчике (т.е. на производителя некачественного товара). В то же время истец должен доказать, что ответчик или его представители не организовали надлежащим образом процесс производства и не предприняли должных мер для своевременного обнаружения дефекта товара;

- § 831 ГГУ содержит норму, ограничивающую ответственность производителя за вред, причиненный его товаром, в случае, если вред причинен по вине сотрудника, работающего у производителя. Так, работодатель может избежать ответственности, если докажет, что он разумно подходил к выбору сотрудника, обеспечивал необходимые условия труда и обеспечивал процесс изготовления всем необходимым и качественным оборудованием. В то же время, в соответствии с общими положениями о договорах, закрепленными в § 278 ГГУ, должник несет ответственность за действия или бездействие своих сотрудников;

- к искам о привлечении к деликтной ответственности применяется срок исковой давности 3 года, а договором может быть установлен больший срок.

¹⁴⁶ Bundesgerichtshof 24.11.1976 BGHZ 67, 359 = NJW 1977, 379 = JZ 1977, 343. Bundesgerichtshof 5.07.1978 NJW 1978, 2241 = JR 1979, 199. Bundesgerichtshof 18.01.1983 BGHZ 86, 256 = NJW 1983, 810 = JZ 1983, 499. Bundesgerichtshof 14.05.1985 NJW 1985, 2420 = VersR 1985, 837. Bundesgerichtshof 24.04.1992 NJW 1992, 1678 = VersR 1992, 758 = ZIP 1992, 704.

В то же время, очевидными являются проблемы, связанные с договорной ответственностью. Например, каким образом защитить с помощью данного института случайного прохожего, пострадавшего в результате взрыва колеса, проезжающего мимо автомобиля? Другими словами, очевидной является проблема определения круга лиц, на которых распространяется «защита», содержащаяся в договоре.

В первую очередь, по этой причине германские суды отвергли теории, разработанные немецкими юристами и обосновывающие целесообразность применения договорной ответственности в случае причинения вреда некачественными товарами. В то же время, положения ГГУ о деликте (в первую очередь § 823) позволяют обеспечить защиту интересов неограниченного круга лиц.

Сознавая тот факт, что договорные конструкции исчерпали себя в данной области, суды окончательно отказались от них в пользу нормативной конструкции деликта.

В итоге немецкие суды, вынося решения в пользу истцов, используют в качестве основания § 823 ГГУ. При этом в большинстве дел суды сами определяют круг тех обязанностей, которые лежат на конкретном производителе в процессе производства товара. В некоторых случаях обязанности производителя в отношении производственного процесса регулируются специальными законами.

Так, Закон о защите техники (Maschinenschutzgesetz) от 24 июня 1968 года распространяет на широкий круг производителей и дистрибьюторов разнообразной техники положения об ответственности за вред, причиненный здоровью любого лица, использующего эту технику¹⁴⁷. Закон о фармацевтике, законодательство, регулирующие производство продуктов питания и лекарственных препаратов, также содержат положения, обязывающие производителей в случаях причинения различного вреда потребителям возмещать его.

Анализ показывает, что особенностью норм, содержащихся в § 823 ГГУ, является то, что они, по сути, обязывают истца доказывать вину ответчика – производителя товара¹⁴⁸. При этом ответчиком в таких делах является сам производитель, а не члены его органов управления или сотрудники.

Одним из итогов совершенствования подхода немецких судов к проблеме, стало то, что немецкие правоведы классифицировали судебную практику в области ответственности

¹⁴⁷ Gesetz über technische Arbeitsmittel (Maschinenschutzgesetz). Vom 24. June 1968. (Bundesgesetzblatt T. 1. Seite 717) Mit Nebenbestimmungen.

¹⁴⁸ См., например: Bundesgerichtshof 19.11.1991 BGHZ 116, 104 = NJW 1992, 1039, 671. Bundesgerichtshof 12.12.2000 NJW 2001, 964 = ZIP 2001, 379 = JZ 2001, 711.

производителя некачественных товаров. Такая ответственность подразделяется на 4 группы:

- за дефекты при производстве товара;
- за дефекты в конструкции товара;
- за ошибки в инструкциях и руководствах по эксплуатации;
- за дефекты, которые выявляются лишь по мере развития технологий.

2.10 Деликтная ответственность за вред, причиненный недостатками товара

Такие дефекты в конкретном товаре, как правило, возникают в результате какой-либо небрежности или невнимательности в процессе производства, а также нарушения различных правил безопасности.

В делах, связанных с причинением вреда в результате использования товаров, содержащих дефекты этого типа, от истца требуется предоставить доказательства того, что причиненный ему вред стал следствием производственного процесса и рисков, с ним связанных, а также очевидного дефекта продукта, который привел к невозможности его эксплуатации¹⁴⁹. В то же время производитель может избежать ответственности, доказав, что дефект возник после того как товар покинул «зону ответственности» производителя.

Как только истец доказывает в процессе указанные выше обстоятельства, бремя доказывания отсутствия вины переходит на производителя. Теперь производитель некачественного товара должен доказать, что он не нарушил свои обязанности, не был небрежен и непредусмотрителен, а его сотрудники в одинаковой степени не виноваты в произошедшем. При этом производитель товара обязан, в случае, если процесс производства не полностью автоматизирован, назвать каждого участника, вовлеченного в производственный процесс, и доказать его невиновность¹⁵⁰. Таким образом, практика рассмотрения подобных споров в соответствии с нормами немецкого деликтного права демонстрирует предельно жесткий подход судов к производителю товаров, крайне затрудняющий уход последнего от ответственности.

2.11 Деликтная ответственность за вред, причиненный из-за недостатков инструкций и руководства по использованию товара

Деликтная обязанность предоставить потребителю корректные инструкции возникает у производителя сразу же, как только товар попадает в обращение. При этом

¹⁴⁹ BGHZ 51, 91, 105; BGH NJW 1973, 1602.

¹⁵⁰ BGH NJW 1973, 1602, 1603

производитель обязан следить за разработками в различных областях, связанных с изготавливаемым им товаром, и корректировать инструкции по мере необходимости.

Показательным делом в этой области стало дело «о парше яблонь»¹⁵¹. Производители яблок понесли существенные потери в производстве после использования спрея, который должен был защитить деревья от болезни, но который был бесполезен в случае неоднократного применения. В результатах лабораторных исследований, которые были опубликованы ко времени, когда происходили эти события, были упоминания о том, что спрей может оказаться неэффективным даже при многократном применении, но производители спрея не донесли эту информацию до потребителя¹⁵².

С ростом числа подобных дел, суды выработали ряд подходов к их решению. Например, Верховный суд постановил, что обязанность предоставлять потребителю информацию связана с тем, каким образом предполагается использовать продукт. Производитель не обязан предоставлять потребителю информацию о рисках, которые могут возникнуть в связи с нецелевым использованием товара¹⁵³. Информационные таблички на продуктах должны предоставлять потребителям исчерпывающую информацию об опасности, которую несет продукт. Если причиненный вред здоровью возник вследствие нецелевого использования товара, потребитель должен быть проинформирован через предупреждающие таблички о причинах потенциальной опасности¹⁵⁴.

3. Деликтные обязательства во французском праве

3.1 Понятие деликтных обязательств во французском праве

Деликтные обязательства во французском праве ориентированы, в первую очередь, на обеспечение защиты интересов и прав потерпевшей стороны. В принципе, все разновидности ущерба и убытков, понесенных истцом, при соответствующих условиях могут быть возмещены в соответствии с требованиями норм французского деликтного права. Это, например, вред здоровью, упущенная выгода, финансовые убытки, вред, нанесенный экологии, и др.

В первую очередь, такой «общий» подход к возмещению вреда возможен благодаря нормам, закрепленным во Французском гражданском кодексе (далее - ФГК). Кроме того, французское деликтное право содержит несколько специальных составов, регулирующих

¹⁵¹ BGHZ 80, 186; NJW 1981, 1603

¹⁵² Подробнее об этом деле см.: Kotz/Wagner, Deliktsrecht, Hermann Luchterhand Verlag; Auflage: 10., neubearb. Aufl. (Dezember 2005), 457.

¹⁵³ BGH NJW 1981, 2514

¹⁵⁴ BGH NJW 1992, 560

абсолютную ответственность за вред, причиненный вещами и в результате дорожно-транспортных происшествий. Так же предусматриваются различные случаи привлечения к ответственности, например, родителей за любой вред, причиненный их детьми.

Такой подход французского законодателя открывает возможности для предъявления бесчисленного числа исков о возмещении вреда, которые потенциально могут разрушить экономику целой страны. Способствует этому и относительно простая и не дорогая процедура предъявления исков. И в то же время, такой сценарий на практике не реализуется.

Несмотря на такие, казалось бы, неограниченные возможности проблема не возникла. Не возникало какого-либо общественного резонанса, обсуждения в прессе и т.д. Одной из причин вышесказанного является и широкое распространение во Франции страхового дела, которое позволяет урегулировать многие случаи причинения вреда во внесудебном порядке.

Причину, по которой возможные негативные последствия не наступают, французские цивилисты видят в комплексе экономических, социальных и культурных предпосылок¹⁵⁵.

Во французском праве деликтная ответственность связывается, в первую очередь, с нормами частного права. Хотя также существует и административное деликтное право, которое связано с ответственностью государства и публичных образований за причиненный ими вред (*responsabilite administrative*).

Кроме деликта во Франции существуют и иные механизмы, которые носят «компенсационный» характер:

-социальная безопасность – этот термин включает в себя государственную поддержку престарелых, безработных, инвалидов и иных социально необеспеченных категорий граждан;

- компенсационные фонды;

- частное страхование.

Во Франции развита сфера социального страхования и обеспечения граждан. Так, значительная часть медицинских расходов покрывается государством. Это особенно важно, когда об оказании помощи лицам, пострадавшим в результате несчастных случаев. При этом государством компенсируется не только часть расходов на лечение, но и компенсируется, хотя и в пределах установленной суммы, потеря трудоспособности, то есть неполученный пострадавшим доход.

¹⁵⁵ J-S Borghetti, *The Culture of Tort Law in France* (2012) 3 JETL 158.

В качестве последствия указанных выше выплат пострадавшему можно назвать и тот факт, что компенсация в рамках деликтного права уже не будет играть для пострадавшего такую существенную роль, как, например, во многих других европейских странах, где деликт является основной возможностью компенсировать нанесенный пострадавшему лицу ущерб.

Во Франции также существуют разнообразные компенсационные фонды, задача большинства из них - компенсация ущерба, наносимого жертвам различных специфических рисков. Так, существует фонд, из которого компенсируются затраты на лечение людей, пострадавших в результате воздействия асбеста. Другой – компенсирует вред, причиненный жертвам медицинских ошибок. Такие фонды обычно покрывают причиненный вред сверх того, что возмещается мерами социальной защиты, и связанный с моральными страданиями жертвы.

Помимо указанных выше механизмов компенсации во Франции также развито частное страхование. Большинство французских граждан застрахованы, а некоторые виды страхования (например, перевозки на транспорте) являются обязательными. При этом французы активно страхуют недвижимость и транспорт, часто, расширяя, в последнем случае, страховку, в сравнении с обязательной по закону.

В описанной выше ситуации, деликт, вместо того чтобы быть первым или единственным средством компенсации, приобретает второстепенную роль.

В то же время, нельзя забывать и о возможности регресса со стороны компенсационных фондов, страховых компаний в отношении причинителя вреда. Безусловно, такие иски подаются в суды, но, как правило, не приводят к несостоятельности, банкротству причинителя вреда, поскольку во Франции распространено страхование гражданской ответственности. В некоторых случаях оно обязательно (автотранспорт, некоторые виды профессиональной деятельности).

Следствием вышесказанного является стремление французских судов расширить границы деликтной ответственности. При этом суды исходят из своего представления о том, ответчик застраховал свои риски. Примером такого подхода судебной системы стала ситуаций с ответственностью родителей за вред, причиненный детьми. Общее правило гласит, что родители отвечают за любой вред, причиненный виновными действиями ребенка. Однако в 2001 году, Верховный суд (Cour de cassation) расширил это правило и распространил его на случаи, в которых отсутствовало виновное поведение ребенка. При этом необходимо отметить, что большинство родителей во Франции застраховано от

подобных рисков через страхование домовладения, которое, как правило, покрывает большое количество разнообразных рисков.

Еще одной стороной проблемы является то, что даже специалисты в области деликтов признают практически полное отсутствие внимания к вопросу со стороны общества и СМИ. Французские граждане обладают абстрактным представлением о том, что если они причинят кому-либо вред, то будут вынуждены его компенсировать и наоборот. И никто, конечно, не понимает, насколько широко распространяется сфера действия деликтной ответственности во французском праве. В подавляющем большинстве случаев причинения вреда, лицо, причинившее вред даже не узнает о том, что пострадавшей стороне была выплачена какая-либо компенсация. Стороны вступают во взаимоотношения со страховыми компаниями и компенсационными фондами, но не друг с другом.

В тех редких случаях, когда вопросы, связанные с причинением кому-либо вреда и с ответственностью за это, обсуждаются в СМИ, речь, как правило, идет об уголовной ответственности виновного лица, а не о гражданско-правовой ответственности. В отличие от многих соседних стран французская общественность, обсуждая, например, случаи предъявления коллективных исков к фармацевтическим компаниям, не критикует деликтное право, а интересуется лишь криминальной и/или политической подоплекой дела. Государство же в свою очередь, стремится нивелировать общественный резонанс в таких случаях, например, учреждая очередной компенсационный фонд.

Французские цивилисты отмечают так же, что сама французская правовая доктрина не уделяет повышенного внимания вопросам деликтного права. По оценкам Жана-Себастьяна Боретти, всего около 30-40 специалистов занимаются проблемами, связанными с деликтной ответственностью.

На сегодняшний день, французское деликтное право полностью ориентировано на пострадавшую сторону. Корни такого подхода следует искать в революционных идеях периода правления Наполеона Бонапарта (1769 - 1821), согласно которым гражданин заслуживает защиту от действий сильных мира сего. Кроме того, религия и философия играли и продолжают играть немаловажную роль в приверженности современного французского правосудия и юридической теории этой идее.

В современной французской цивилистике противопоставляются два подхода к проблеме: во-первых, это идея о безвиновной ответственности, во всяком случае, при причинении вреда; во-вторых, это идея о необходимости ограничения ответственности причинителя вреда, которое должно наступать в зависимости от степени, субъектного состава и вида причиненного вреда.

Изначальной задачей французского деликтного права было противодействие социально нежелательному поведению, но на сегодняшний день его нормы эволюционировали, и можно сказать, что «законодательство о гражданской ответственности не только позволяет судам бороться с теми, кто нарушает права, которые уже признаны и существуют, но также позволяет защитить те права, которые только появляются и определяются. Тем самым оно способствует актуализации, улучшению и дополнению системы права»¹⁵⁶.

Во французском праве гражданская ответственность традиционно разделена между деликтным правом и договорным правом. Это правило происходит из принципа «non-cumul des responsabilités»¹⁵⁷ или принципа не конкуренции действий, который указывает на то, что договорная и деликтная ответственность не могут применяться одновременно или дополнять друг друга. Договорная ответственность накладывает санкции в случае несоблюдения договорных обязательств, в то время как деликтная право применяет санкции в случае нарушения правил поведения, которые установлены законом, обычаем или судебной практикой.

3.2 Концепция генерального деликта

Во Франции, кроме тех случаев, когда ответственность предусмотрена договором, действует общее правило, содержащееся в ст. 1382 ФГК: «Каким бы ни было действие человека, причинившее другому ущерб, оно обязывает того, по чьей вине произошел ущерб, к возмещению ущерба».

Кроме того, в ст. 1383 ФГК сказано, что «Каждый ответственен за ущерб, который он причинил не только своим действием, но также своею небрежностью или неосторожностью».

Из смысла ст. 1382 ФГК видно, что необходимо три элемента, чтобы ответственность наступила:

- вина;
- ущерб;
- причинно-следственная связь между виной и ущербом.

Бремя доказывания всех этих элементов возлагается на истца.

¹⁵⁶ G. Viney. W. Van Gerven, J.Lever, P.Larouche, Cases, Materials, and Text on National, Supranational and International Tort Law, Hart Publishing 2000, p 57

¹⁵⁷ Civ 1ere 6 Avril 1927.

Вина может присутствовать и в действии, и в бездействии. Вину можно определить, как ошибку поведения, в сравнении со стандартом благоразумного человека или как неспособность вести себя как *bonus pater familias* (*bon pere de famille*).

В соответствии с французским правом, чтобы совершить деликт, вовсе не обязательно лицу, причинившему вред, сознавать неправомерную природу своего поведения. У истца, в свою очередь, не должно быть обязанности соблюдать осторожность – достаточно представить доказательства вины, ущерба и причинной связи, чтобы требовать возмещение ущерба.

Вина является во многом субъективным понятием, и у судов есть возможность принимать разнообразные решения в зависимости от содержания конкретного дела.

Как уже отмечалось ранее, во Франции не принято активно обсуждать проблемы деликтного права в общем, а также пределы деликтной защиты, в частности. С точки зрения французского права неправильно говорить о «защищенных правах» в исключаящем смысле¹⁵⁸. Общие положения ст.ст. 1382 и 1383 ФГК, не содержа каких-либо строгих ограничений на объем или природу защищенных прав и интересов. В принципе, все права и интересы должны быть защищены.

Идея защищенных прав и интересов связана с понятием ущерба, наличие которого является одним из трех условий наступления ответственности, как отмечалось выше. Ни во французской правовой доктрине, ни в практике высших судов (*Cour de Cassation* или *Conseil d'Etat*) не обсуждается понятие ущерба. Обычно, речь идет лишь о характеристиках, которыми должен обладать ущерб, чтобы быть компенсированным: ущерб должен быть реальным и определенным, и он должен быть непосредственно связан с истцом.

Чтобы далее защитить права истцов, судебная практика выработала в последние десятилетия специальный вид ущерба, названный «потеря возможности», или «потеря шанса» (*perte d'une chance*). Это понятие используется, когда ущерб представляет собой потерю, для потерпевшей стороны, возможности получить преимущество или избежать потери. Чтобы соответствовать критериям реальности и определенности ущерба, потерянная возможность должна быть реальной и серьезной (*reelle* и *serieuse*), а не только гипотетической¹⁵⁹.

Ответственность произрастает из виновного действия, только если есть прямая причинная связь между виной и ущербом. Французское законодательство и судебная практика не дают точное определение того, что представляет собой прямая причинная

¹⁵⁸ G. Viney, W. Van Gerven, J. Lever, P. Larouche, *Cases, Materials, and Text on National, Supranational and International Tort Law*, Hart Publishing, 2000.

¹⁵⁹ Cass. Civ. 2e, 1st April 1965, Bull. Civ. II, n°336, p 230.

связь. Как следствие - у судов есть возможность действовать по своему усмотрению. Однако можно отметить, что причинно-следственная связь иногда рассматривается в свете двух требований, относящихся к ущербу, а именно, реальность и определенность. Требование определенности долго признавалось Кассационным судом Франции

Как только доказано наличие всех трех элементов, у лица появляется право требовать компенсации за различные виды ущерба: материальный и финансовый ущерб, телесные повреждения, моральный вред (который включает боль, страдание и потерю удовольствия).

Во французском праве действует принцип полной компенсации (*reparation integrale*). Идея состоит в том, чтобы обеспечить максимально возможное соответствие между размером компенсации и причинённым вредом. Задача это не простая, особенно в случаях причинения не материального вреда¹⁶⁰. Полная компенсация покрывает весь материальный ущерб, причиненный телу лица, его имуществу, включая материальную потерю (например, потерю финансовой поддержки), а также нематериальный ущерб, такой как боль и страдание лиц, страдающих от смерти или ущерба здоровью основной жертвы¹⁶¹.

В §§ 1382 и 1383 ФГК не содержится каких-либо ограничений относительно субъектного состава защищаемых лиц. Другими словами, в соответствии с французским деликтным правом, нет никаких ограничений, которые могли бы стать результатом необходимости доказать существование, в зависимости от обстоятельств дела, обязанности истца соблюдать осторожность.

Любой истец, который может доказать наличие вины, ущерба и причинно-следственной связи, может требовать компенсации. С этой точки зрения, Французское право отличается от английского и немецкого права, поскольку оно не ограничивает виды прав и интересов, а также субъектный состав лиц, которые защищены нормами деликтного права. При этом французское деликтное право так же применяет ответственность в отношении третьего лица, способствовавшего нарушению стороной условий договора и ответственность за ложный совет.

Ответчики в ходе рассмотрения судами дел, связанных с применением деликтной ответственности, могут использовать несколько оснований для реабилитации или ограничения их ответственности.

Первая из них - форс-мажор (*force majeure*). Традиционно *force majeure* определяется, как событие, которое является непредвиденным, неизбежным, чуждым

¹⁶⁰ Подробнее см.: *Seminaires Cour de Cassation "Risques, assurances, responsabilites"*, Une reconsideration du principe de la reparation integrale, V. Heuze. Courdecassation.fr.

¹⁶¹ Там же.

ответчику и исключаящим его ответственность. Второй причиной является вина пострадавшей стороны или небрежность, способствовавшая наступлению неблагоприятных последствий. Наличие этих обстоятельств может привести или разделению бремени ответственности или к полной реабилитации. Наконец, третий вариант классической защиты - действие третьего лица, разрывающее причинно-следственную связь между виной и ущербом.

3.3 Деликтная ответственность за вред, причиненный недостатками товара

Закон № 98-389 от 19 мая 1998 распространил действие Европейской Директивы об ответственности за вред, причиненный недостатками товаров (Product Liability Directive) 85/374/ЕЕС (далее – Директива), на положения ФГК, установив, таким образом, новый режим рассмотрения споров о возмещении вреда, причиненного дефектными продуктами. Новые положения содержатся в ст.ст. 1386-1 - 1386-18 ФГК. Нужно отметить, что этот специальный режим применим «независимо от факта существования или факта отсутствия договора между производителем и жертвой» (ст. 1386-1 ФГК).

Определение слова «товар» является обширным: оно включает все движимые вещи, включая электричество и основные сельскохозяйственные продукты (ст. 1386-3 ФГК).

Продукт считается дефектным, если «он не предоставляет той степени безопасности, которую лицо вправе ожидать» (ст. 1386-4 ФГК).

Чтобы определить уровень безопасности, который лицо вправе ожидать, должны быть приняты во внимание все обстоятельства, «включая описание продукта, позволяющее потребителю определить, когда продукт запрещается использовать» (ст. 1386-4 ФГК).

Ответственность в отношении дефектных товаров является строгой: жертва не должна доказывать наличие вины производителя товара, а только доказать «ущерб, дефект и причинную связь между ущербом и дефектом» (ст. 1386-9 ФГК). В таком случае «производитель должен понести строгую ответственность» (ст. 1386-11 ФГК).

Однако распространение Директивы на французский Гражданский кодекс было признано Европейским судом Справедливости (ЕСJ) некорректным¹⁶². В своем решении ЕСJ указал, что Франция неправильно внедрила в свое законодательство Директиву по трем причинам: во-первых, не был установлен порога для ущерба; во-вторых, не установлены критерии ответственности поставщиков; в-третьих, отсутствуют условия, относящиеся к защите.

¹⁶² ECJ, Case C-52/00, Commission v France, 25 April 2002.

Нижний порог ущерба был опущен ниже установленного. Относительно вопроса, касающегося поставщиков, ЕСJ определил, что Французское право необоснованно приравнивало позиции поставщика и производителя, тогда как ч. 3 ст. 3 Директивы подразумевает ответственность поставщиков как вспомогательную, применимую только в случаях, когда производитель неизвестен¹⁶³.

Наконец, относительно возможности производителя быть освобожденным от ответственности, ЕСJ постановил, что Французское право необоснованно внедрило дополнительное предварительное условие для производителя, связав возможность избежать ответственности с возложением дополнительной обязанности на производителя контролировать выпущенный товар в течение 10 лет после его изготовления.

В ФГК предоставлены определенные механизмы, позволяющие реабилитироваться производителю. Норма ст. 1386-11 ФГК определяет, что производитель должен нести абсолютную ответственность кроме случаев, когда он докажет, что:

- он не пускал продукт в обращение;
- дефект не существовал, когда он пускал продукт в обращение;
- продукт не был предназначен для продажи или любой формы свободного обращения;
- уровень научно-технических знаний не позволял в то время, когда продукт был пущен в обращение, обнаружить существование дефекта;
- дефекты являются результатом попытки привести товар в соответствие с законодательными или регулируемыми императивными нормами.

3.4 Деликтная ответственность за вред, причиненный противоправными действиями

Жертвы преднамеренных жестоких преступлений требуют особой защиты и имеют право на особое внимание со стороны общества и законодательства.

Чтобы гарантировать, что лица, которым совершением противоправных действий был причинен тяжкий вред здоровью, получают необходимое возмещение в полном объеме. Законом № 77-5 от 3 января 1977 было предусмотрено создание Комиссии по компенсации жертвам преступлений (CIVI).

Жертвы таких преступлений имеют доступ к отдельной схеме компенсации. Заявки на компенсацию не обязательно должны быть поданы в ходе расследования уголовных дел,

¹⁶³ ECJ, *Commission v France*, 14 March 2006, Case C-177/04.

и для получения компенсации нет необходимости в идентификации лица, причинившего вред.

Предусматривается две схемы такой компенсации:

- жертвам тяжких и особо тяжких преступлений против личности (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование и др.), выплачивается полная компенсация.

- жертвам преступлений против личности, влекущих за собой временную нетрудоспособность на срок менее одного месяца и жертв преступлений против собственности, компенсация определяется, смотря по обстоятельствам.

Пособия, выплачиваемые CIVI, имеют своим источником средства Fonds de garantie des victimes des actes de terrorisme et autres (FGTI). Этот фонд может обратиться с регрессным деликтным иском к лицу, чьи преступные действия явились причиной возникновения вреда. Частично такие выплаты производятся за счет отчислений от премий, поступающих от страхования имущества (около 3,5%).

4. Заключение

Пути совершенствования законодательства Российской Федерации по вопросам возмещения вреда, причиненного вне договорных отношений, относятся к числу актуальных направлений отечественной цивилистики. Особая природа деликтной ответственности позволяет выделить нормативное регулирование возмещения вреда, причиненного вне договорных отношений, в рамках обязательственного права.

В настоящее время отечественная юридическая наука испытывает дефицит обобщений по этим вопросам. Сложившееся положение затрудняет планирование законотворческой работы, разработку предложений по совершенствованию норм гражданского законодательства Российской Федерации, регламентирующих правосудие по спорам из деликтных обязательств, деликтную ответственность и возмещение вреда, причиненного вне договорных отношений.

Вопросы, связанные с проблемой возмещения вреда, причиненного из внедоговорных отношений в законодательстве зарубежных стран, практически игнорируются отечественными специалистами. На сегодняшний день работы, целиком посвященной указанной проблематике. В отдельных монографиях и в редких научных статьях можно натолкнуться на самое общее описание деликтного законодательства некоторых европейских стран и США.

Несмотря на то, что деликтная ответственность уходит корнями еще в римское право, на сегодняшний день, даже в странах с развитой правовой традицией не утихают споры о природе и сути этого понятия. Различное отношение к месту деликтов в системе права, споры о границах распространения ответственности, способов ее применения и мерах защиты и т.п., стихая, разгораются с новой силой в академической среде и в судебной практике по всему миру. Несмотря на то, что и Франция и Германия принадлежат к континентальной системе права, и значительно ближе друг другу, с этой точки зрения, нежели чем, например, к Великобритании или США, очевидно наличие серьезнейших разночтений в вопросах правового регулирования обязательств из причинения вреда в этих двух странах.

Французское деликтное право традиционно признается образцом конструкции генерального деликта. Деликтное право Франции ориентировано, в первую очередь, на пострадавшую сторону и, в принципе, все разновидности ущерба и убытков могут быть возмещены в соответствии с французским правом. Всего несколько статей Французского

Гражданского Кодекса, которые не менялись со времен Наполеона Бонапарте, открывают возможности для предъявления бесчисленного числа исков о возмещении вреда, которые потенциально могут разрушить экономику целой страны. Но во Франции этого не происходит.

Причину, по которой возможные негативные последствия не наступают во Франции, сами французские цивилисты видят в комплексе экономических, социальных и культурных предпосылок. В то время как правоведы в соседних странах с опаской размышляют о возможностях расширения границ деликтной ответственности, во Франции не происходит ничего экстраординарного в этой области.

Представляется, что решающую роль в становлении налаженной и устойчивой системы деликтного права играют многие факторы. Социальные, политические и даже географические. В стране с развитой системой социального обеспечения, страхованием, высоким уровнем жизни и социальной безопасности, раскрыть «ворота» деликтной ответственности куда проще, нежели в государстве, испытывающем социально-экономические перегрузки и находящемся в крайне нестабильном состоянии.

В отличие от французского деликтного права, в Германии построена система, хоть и более молодая, но вобравшая в себя лучшие традиции своих предшественников. Немецкие ученые, со свойственной этой нации скрупулёзностью, изучили опыт римского права, Великобритании и Франции и создали уникальную систему деликтов, которую во всем мире называют «германской».

Нельзя сказать однозначно какая из рассмотренных систем лучше. В каждой из них есть свои положительные стороны и недостатки. Важными и проблемными местами в каждой из них являются:

- основания и элементы деликтной ответственности;
- задачи и цели деликтной ответственности;
- понятия вины и противоправности в контексте деликтной ответственности;
- основания освобождения и способы защиты ответчика от ответственности;
- конкуренция договорной и деликтной ответственности;
- соотношение деликтной ответственности с другими способами компенсации причиненного вреда;
- абсолютная и субсидиарная деликтная ответственность;
- роль судебной власти в формировании деликтно-правовой системы в стране;
- адаптация законодательства к постоянно расширяющемуся перечню возможных деликтов.

Учитывая, что в настоящей работе рассмотрены перечисленные выше актуальные вопросы возмещения вреда, причиненного из внедоговорных отношений, представляется, что она может иметь некоторую практическую значимость и ее результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях.

Библиография

1. Atiyah P. S. Vicarious Liability in the Law of Torts. London: Butterworths. 1967. - 383p.
2. BGH 13 июля 1976, VersR 1976, 943.
3. BGH 18 ноября 1980, VersR 1981, 161.
4. BGH 21 декабря 1970, BGHZ 55, 153.
5. BGH 21 июня 1977, NJW 1977, 2264.
6. BGH 8 ноября 1988, MDR.
7. BGH NJW 1973, 1602, 1603.
8. BGH, 19 января 1977, NJW 1977, 2073 = VersR 1977, 638.
9. BGH, решение от 9 ноября 1993 года, NJW 1994, 127=JZ 1994, 464.
10. BGHZ 35, 363, 365ff.; BGH, решение от 15 ноября 1994 года, дело № VI ZR 56/94 = Neue Juristische Wochenschrift (NJW) 1995, 861-865, 864f.; Решение от 01 декабря 1999 года, дело № I ZR 49/97 00 = NJW 2000, 2195-2201, 2197; Решение от 05 октября 2004 года, дело № VI ZR 255/03 05 = NJW 2005, 215-218, 216.
11. BGHZ 51, 91, 105; BGH NJW 1973, 1602.
12. BGHZ 55, 392, 395.
13. BGHZ 56, 163 = NJW 1971, 1883 = VersR 1971, 905, 1140; BGH NJW 1989, 2317.
14. BGHZ 80, 186; NJW 1981, 1603.
15. Borghetti, J-S. The Culture of Tort Law in France (2012) 3 JETL 158.
16. Brown R., The Temperton v Russell Case, 1893 : The beginning of the legal offensive against the unions Bulletin of economic research // Wiley-Blackwell, Vol. 23.1971, p. 54-56.
17. Bruggemeier, "Produzentenhaftung", WM 1982, 1294.
18. Buchner, "Neuorientierung des Produkthaftungsrechts. Auswirkungen der EG-Richtlinie auf das deutsche Recht", DB (1988) 32.
19. Bundesgerichtshof 19.11.1991 BGHZ 116, 104 = NJW 1992, 1039, 671. Bundesgerichtshof 12.12.2000 NJW 2001, 964 = ZIP 2001, 379 = JZ 2001, 711.
20. Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBI. I S. 42, 2909); 2003 I S. 738.
21. Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBI. I S. 42, 2909); 2003 I S. 738.
22. Burrows A.S. Remedies for Torts and Breach of Contract. 3rd ed. Oxford University Press. 2004. - 664p.
23. Carpenter, C.E. Interference with Contract Relations // Harvard Law Review. 1928. 41(6), 728-768. // URL: <http://doi.org/10.2307/1329820> (дата обращения: 14.06.2015).
24. Christie, In. Inducing Breach of Contract in Trade Disputes: Development of the Law in England and Canada // McGill Law Journal, 2008, V13.
25. Civ 1ere 6 Avril 1927.
26. Cracknell, D.G. Torts. 9th Ed. London: Old Bailey Press. 2000. - 280 p.

27. Crighton, J. Inducing Breach of Contract // *Rollingson Solicitors Articles*. 2012. № 10. // URL: <http://articles.rollingsons.co.uk/2012/10/inducing-breach-of-contract.html> (дата обращения: 14.06.2015).
28. Descheemaeker, E. *The Division of wrongs, a historical comparative study*. OUP, 2009.
29. Deutsch, «Das Eigentum als absolutes Recht und als Schutzgegenstand der Haftung». MDR, 1988 – 441 s.
30. Deutsch, *Juristen-Zeitung (JZ)* 1984, 308; JZ 1990, 733.
31. Fedtke, J. *The Culture of German Tort Law*, 2012 // 3 *Journal of European Tort Law* p. 183-209.
32. Fedtke, J. *The Reform of German Tort Law*, 2003 // 4 *European Review of Private Law*, p. 485 - 508.
33. Gesetz über technische Arbeitsmittel (Maschinenschutzgesetz). Vom 24. June 1968. (Bundesgesetzblatt T. 1. Seite 717) Mit Nebenbestimmungen.
34. Howarth, D.R., O'Sullivan, J.A. Hepple, Howarth and Matthews' *Tort: Cases and Materials*. - 5th ed. - OUP UK, 2000. - 1216 p.
35. Ibbetson, D. *A Historical Introduction to the Law of Obligations*. Oxford, 2001. - 307 p.
36. Jhering, R. «Culpa in Contrahendo» // *Jahrbuch für die Dogmatik des heutigen römischen Privatrechts*, 1861, № 4.
37. Kötz H., Wagner G., *Deliktsrecht*. Hermann Luchterhand Verlag, 2005 - 457s.
38. Kullmann, «Die Rechtsprechung des BGH zum Produkthaftpflichtrecht», *NJW* 1996, 16, *NJW*, 1997, 1764; *NJW* 1996, 96, *NJW* 2000, 1912.
39. Larenz K., Canaris C.- W., *Methodenlehre der Rechtswissenschaft*, 1995, T II C.H. Beck, - 734 s.
40. Leinemann, *Der Begriff Freiheit nach § 823 I BGB* (1969);
41. *Lumley v Gye* [1853] *EWHL QB J73* // URL: <http://swarb.co.uk/> (дата обращения: 14.06.2015).
42. *Mainstream Properties Ltd v Young* [2007] *UKHL 21* // URL: <http://estatesgazette.com> (дата обращения: 14.06.2015).
43. Maitland F.W., *The Collected Papers of Frederic William Maitland*. Vol. 3. Herbert Albert Laurens Fisher, 1911.
44. Markesinis B.S., Unberath H. *The German Law of Torts: A Comparative Treatise*. Hart Publishing, 2002. - 1114 p.
45. *OBG Limited and others (Appellants) v Allan and others (Respondents); Douglas and another and others (Appellants) v Hello! Limited and others (Respondents); Mainstream Properties Limited (Appellants) v Young and others and another (Respondents)* [2007] *UKHL 21*
46. *Occupiers' Liability Act* (1957) // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1965/57/section/26> (дата обращения: 14.06.2015).
47. Philippe Remy, P., Borghetti, Jean-Sébastien. *Présentation du projet de réforme de la responsabilité délictuelle // Pour une réforme du droit de la responsabilité civile*. / F. Terré ed., 2011.
48. *Protokolle der Kommission für die Zweite Lesung des Entwurfs des Bürgerlichen Gesetzbuchs*, vol. I (1897), pp. 622-623.
49. RGZ 88, 433, 4345.
50. *Rylands v Fletcher* [1866] *L.R.* 1 Ex. 265.
51. Sayre, *Inducing Breach of Contract*, 1923 // 36 *Harv L. Rev* p. 663.
52. *Séminaires Cour de Cassation "Risques, assurances, responsabilités", Une reconsidération du principe de la réparation intégrale*, V. Heuze. Courdecassation.fr.

53. Smith, H. Tort of inducement to breach of contract requires actual knowledge and an intention to interfere, 2007 // URL: <http://www.lexology.com/library/> (дата обращения: 14.06.2015).
54. The Aliakmon [1985] QB 350, 393.
55. The Limitation Act [1980] // URL: <http://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 14.06.2015).
56. The Nuclear Installations Act 1965 // URL: http://www.vertic.org/media/National%20Legislation/United_Kingdom/GB_Nuclear_Installations_Act_1965.pdf (дата обращения: 14.06.2015).
57. The Statute of Labourers of 1349 // URL: <http://www.legislation.gov.uk/> (дата обращения: 14.06.2015).
58. The Statute of Labourers of 1350 // URL: <http://www.legislation.gov.uk/> (дата обращения: 14.06.2015).
59. UK House of Lords Confirms the Limitations of the Economic Torts of Intentionally Causing Economic Loss, 2007 // URL: <http://www.gibsondunn.com/> (дата обращения: 14.06.2015).
60. Viney, G., Van Gerven, W., Lever, J., Larouche, P. Cases, Materials, and Text on National, Supranational and International Tort Law, Hart Publishing 2000.
- von Caemmerer, "Products liability" in *Ius Privatum Gentium*, Festschrift Max Rheinstein (1966) 659 ff,
61. Wilkinson v Downton [1897] 2 QB 57, 66 LJQB 493.
62. Winfield and Jolowicz on Tort by W.V.H. Rogers. 20th ed. London: Sweet & Maxwell. 2010.
63. Ахмадова М.А., Пухарт А.А., Серышева М.Ю. Генеральный деликт в гражданском праве // Вопросы современного права: материалы международной заочной научно-практической конференции (5 марта 2012 г.). Новосибирск: Изд. Сибир. ассоц. консультантов, 2012. - С. 31-34.
64. *Белякова А.М.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. Теория и практика [Текст] / А.М. Белякова - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. - 149 с.
65. *Бернам У.* Правовая система США. - 3 изд. [Текст] / У. Бернам. - М.: «Новая юстиция», 2006. - 464 с.
66. Богданов Д.Е. Принцип генерального деликта // Актуальные проблемы частноправового регулирования: материалы Всероссийского IX научного форума (г. Самара, 27-28 мая 2011 г.). Самара, 2011. С. 318-320.
67. Богдановская И.Ю. Эволюция судебного прецедента в «общем праве» // Право. 2010. № 2. С. 75-87.
68. Веряскина М.Н. Правовое регулирование экономических деликтов в английском праве: побуждение к нарушению договора и неправомерное вмешательство в осуществление экономической деятельности // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 2. С. 144-155.
69. Гражданское право: В 3-х томах. Т. I. Учебник [Текст] / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2005. - 765 с.
70. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности [Текст] Р. Давид, К. Жоффре-Спинози / пер. с фр. В.А. Туманова. - М.: Междунар. отношения, 2003. - 400 с.
71. Дженкс Э. Английское право. Источники права. Судостроительство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право [Текст] / Э Дженкс / предисл.: М.М. Исаев / пер. с англ. Л.А. Лунц. - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. - 378 с.
72. Дождев Д.В. Сравнительное право: состояние и перспективы // Российский ежегодник сравнительного права. 2007 / Под ред. Д.В. Дождева. СПб. - 2008. - С. 7 - 28.

73. *Завидов Б.Д.* Возмещение вреда. Общие и частные положения в гражданском и уголовном праве [Текст] / Б.Д. Завидов. – М.: Экзамен, 2001. – 32 с.
74. *Иоффе О.С.* Обязательственное право [Текст] / О.С. Иоффе. – М.: Юрид. лит., 1975. – 880 с.
75. *Косминский Е. А., Петрушевский Д.М.* Английская деревня XIII-XIV вв. и восстание Уота Тайлера. Москва; Ленинград: Соцэкгиз, 1935. – 230 с.
76. *Кузнецова Л.В.* Спорные вопросы деликтной ответственности [Текст] / Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: Сборник статей. – М.: Статут, 2010. С. 334 - 373.
77. *Ларионова А.В.* Понятие обязательства из деликтов: от древнеримского к современному российскому и англо-американскому / Юридические записки студенческого научного общества. Вып. 3. Сборник статей. Ярославль, 2003. – С. 33 – 34.
78. *Матвеев Ю.Г.* Англо-американское деликтное право [Текст] / Ю.Г. Матвеев. – М.: Юрид. лит., 1973. – 174 с.
79. *Общая теория права и государства: Учебник [Текст] / под ред. В.В. Лазарева.* – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1996. – 472 с.
80. *Отраднава О.А.* Генеральный деликт в гражданском праве // Наследие юридической науки и современность: Материалы заседаний V Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26-28 мая 2010 г.). М.: Юриспруденция, 2011. С. 425 - 432.
81. *Поляков И.Н.* Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда [Текст] / И.Н. Поляков. – М.: Городец, 1998. – 172 с.
82. *Рассолов М.М., Горбунов М.А.* Римское право: учебник. [Текст] / М.М. Рассолов, М.А. Горбунов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 495 с.
83. *Теория государства и права: Курс лекций [Текст] / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько.* М.: Юрист, 2001. – 776 с.
84. *Халабуденко О.А.* Имущественные права. Книга 1. Вещное право [Текст] / О.А. Халабуденко: Междунар. Независимый ун-т Молдовы. К.: Независимый ун-т Молдовы. 2011. – 305 с.
85. *Шевченко А.С., Шевченко Г.Н.* Деликтные обязательства в российском гражданском праве: Учебное пособие [Текст] / А.С. Шевченко, Г.Н. Шевченко. – М.: Статут, 2013. – 133 с.
86. *Яковлев В.Н.* Конституционные основания концепции совершенствования гражданского и иных отраслей законодательств современной России // Новая правовая мысль. – 2010. – № 1 (38). – С. 13 - 17.